

Дмитрий Мережковский

ДРАМАТУРГИЯ

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Данте (киносценарий)
Серия «Драматургия»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175051

Содержание

I. Белая роза	6
1	6
2	9
4	13
II. Пожираемое сердце	16
1	16
2	18
3	19
III. Муж Беатриче	21
1	21
2	23
IV. Дама щита	25
1	25
2	27
3	29
V. Бог любви – геометр	30
1	30
2	32
3	34
VI. Смерть Беатриче	36
1	36
VII. Данте с девчонками	41
1	41

2	44
3	48
4. Видение Беатриче	51
VIII. Разделенный город	56
1	56
2	58
IX. Маленький антихрист	62
1	62
2	65
X. Данте изгнанник	68
1	68
2	70
XI. Данте в богадельне муз	73
1	73
2	76
3	79
4	80
5	82
6	84
XII. В вечных льдах	88
1	88
2	91
3	94
4	95
XIII. Свет алебастровых окон	99
1	99

2	101
4	104
XX. Смерть Данте	108
1	108
2	110
3	113
4	118
5	121

Дмитрий Сергеевич
Мережковский
Данте
киносценарий

І. Белая роза

1

Тихая музыка флорентийских колоколов.

Как в башенных часах, зовущих нас к молитве,
В час утренний, когда невеста Божья
Возлюбленного Жениха встречает, —
Вращаются колеса, и звенят
Колокола столь сладостно: динь-динь,
Что сердце от любви, в блаженстве тает, —
Так звездные колеса надо мной.
С такой сладчайшей музыкой вращались,
Что можно б выразить ее лишь там,
Где наша радость делается вечной.¹

¹ «Рай». Песнь X, ст. 139–148.

Дантовых дней Флоренция – маленький городок, замкнутый в тесной ограде зубчатых стен, весь оцетинился темными острыми башнями, как еж – иглами. Башен почти столько же, сколько домов, потому что почти каждый дом, сложенный из огромных каменных глыб, с узкими, как щели, бойнями, окнами, с обитыми железом дверями и торчащими из стен дубовыми бревнами, для спешной кладки подъемных мостов, которые на железных цепях перекидывались от дома к дому, едва начинался уличный бой, – почти каждый дом – готовая к войне, крепостная башня.

Дом, где родился *Данте*,² – на маленькой площади, у церкви Сан-Мартино-дель-Весково, рядом с городскими воротами Сан-Пьеро, у самого входа в Старый Рынок, на скрещении тесных и темных улочек. Здесь находилось старое гнездо Алигьери – несколько домов разной высоты, под разными крышами, слепленное в целое подворье или усадьбу, подобно слоям тех грибных наростов, что лепятся на гниющей коре очень старых деревьев.

Темные башни Флоренции еще темнее в светлом золоте утра. Самая темная – та, что возвышается над маленькой площадью Сан-Мартино, в двух шагах от дома Алигьери, – четырехугольная, тяжелая, мрачная, точно тюремная, башня дэлла Кастанья. Черная длинная тень от нее тянется по тесной улочке Санта Маргерита, соединяющей дом, где живет

² Данте Алигьери (1265–1321).

девятилетний мальчик. Данте, сын бедного ростовщика-менялы, сэра Герардо Алигьери, с домом восьмилетней девочки, Биче,³ дочери вельможного купца и тоже менялы, Фолько Портинари.⁴ Сто шагов от дома к дому.

³ Беатриче Портинари (?-1290), в замужестве – монна Биче де Барди.

⁴ Отец Бетариче – крупный флорентийский меняла.

2

Сидя на церковной паперти, в черной тени башни, откинутой утренним солнцем на белую площадь, и подняв глаза неподвижной, как бы сонной, улыбкой, маленький мальчик, *Данте*, смотрит пристально широко открытыми глазами на красный весенний цветок в темной щели между камнями башни, вспыхнувший под лучом солнца, как живое красное пламя или капля живой крови.

– Что ты все в тени сидишь, дружок, ступай-ка на солнце, погрейся! Нездорово в тени, вон ты какой бледненький! – кричит ему старая ключница, монна *Тана*, стоя у открытого окна, вместе с монной *Ритой*, бедной дальней родственницей-приживалкой в доме Алигьери, и кормя голубей.

Вздрогнув, точно внезапно проснувшись, *мальчик* взглядывает на монну Тану, улыбается ей, тихо качает головой. Медленно отводит от нее глаза и опять все так же неподвижно-пристально смотрит на красный цветок. – Что с ним такое, на что он воззрился так? – спрашивает монна *Рита*.

– Кто его знает, – может быть о матери⁵ думает. Третья годовщина смерти монны Бэллы сегодня. Были на кладбище, мальчик долго плакал, обнял могилку и припал к ней так, что и сам хотел в землю уйти. Едва увели. Плакал и во сне всю ночь. Бедный сиротка! Хорошо еще, что мачеха добрая, лю-

⁵ Алигьери Бэлла(? – 1271) – мать Данте.

бит его, как родного. Да все же не мать. Умный ребенок, не по годам, все понимает. Как отца посадили в тюрьму, будто бы за растрату чужих денег, а может быть, и ни за что, — долго ли злым людям человека оклеветать? — мальчик не только от горя, но и от стыда заболел. Дети в школе дразнили его, ругались над ним, «сыном вора» называли. И потом, когда дядя, сэр Джери дель Бэлло, был убит из-за угла на этой самой площади, и старшему в роде Алигьери, брату убитого, должно было, по закону кровавой мести, отомстить за брата, а он это не сделал, — мальчик опять заболел от стыда, и дети в школе стали ругаться над ним еще того пуще. «Данте Алигьери, сын вора — вор, сын труса — трус!» И до того довели, что одному из них камнем в голову швырнул он так, что едва не убил. Да, умный ребенок: как ни мал, а честь рода чувствует.

— Ох-хо-хо! — вздыхает монна *Puma*. — Горе детей рано учить уму. Какое для него сиротство горше, от умершей матери или от живого отца, сам, должно быть, не знает. Стыдный отец хуже мертвого!

Мальчик, во время этой беседы, все так же неподвижно-пристально, как давеча, — на красный цветок, смотрит теперь в глубину тесной и темной улочки, соединяющей дом Алигьери с домом Портинари, где стоит на крыльце маленькая девочка, в венке из белых роз и в платье красного бархата, вспыхнувшем под лучом солнца, как живое красное пламя и живая кровь.

– Вот и Она! Вот и Она! Я знал, что придет! – шепчет *мальчик*, становится на колени, протягивает руки, тихо склоняется и падает без чувств.

В тот день, когда Она явилась мне...
Я был еще ребенком, но внезапно...
Такую новую узнал я страсть...
Что пал на землю, в сердце пораженный
Как молнией.

В доме Портинари, на празднике 1 Мая,⁶ восьмилетняя девочка, *Биче*, выбранная, по старому Флорентийскому обычаю, Королевой Весны, одетая в красное платье, опоясанная золотым поясом и увенчанная белыми розами, подходит к избранному ей в рыцари, девятилетнему мальчику, *Данте*, и подает ему белую розу. Мальчик становится на колени и целует ей ручку, как рыцарь – Прекрасной Даме.

Девушки, в белых одеждах, в венках из алых роз, поют:

Весна идет. весна идет.
Новая Жизнь начинается.
Белая Роза – алая кровь;
Солнце на небе – в сердце любовь!⁷

«Девять раз от моего рождения Небо света возвращалось

⁶ Речь идет о празднике 1 Мая 1274 г.

⁷ «Новая жизнь» Данте, II.

почти к той же самой точке своего круговращения, – когда явилась мне впервые, облаченная в одежду смиренного и благородного цвета, как бы крови, опоясанная и увенчанная так, как подобало юнейшему возрасту ее, – Лучезарная Дама души моей, Беатриче».

Девятилетний мальчик, *Данте*, узнал вспомнил Ее, и Она – его; вспомнили – узнали оба то, что было и будет в вечности.

Первые учителя Данте – инок францисканского монастыря Санта Кроче, первые книги, в слабых детских руках его, – тяжеловесные учебники Доната⁸ и Присциллиана:⁹ «Основание искусства Грамматики».

Данте читает Библию. Так же, как в маленькую девочку Биче, влюблен в великую древнюю Книгу. Делаясь послушником братства св. Франциска Ассизского,¹⁰ опоясывается веревкой Нищих Братьев.

Первый светский учитель *Данте* – ранний гуманист, *Брунетто Латини*,¹¹ вольнодумный философ.

И в Бога я не верил.
И Церкви я не чтил;

⁸ Донато Элио – Карфагенский епископ (IV в.), ученый раннего средневековья, участник движения, требовавшего осуждения христиан-отступников в период гонений, автор учебников по латинской грамматике, которые служили основным пособием для изучения латинского языка в Западной Европе на протяжении всего средневековья.

⁹ Епископ в г. Авила в Испании (вторая пол. IV в.), проповедник аскетизма.

¹⁰ Франциск Ассизский (1181 или 1182–1226) – Итальянский религиозный деятель, католический святой. Канонизирован в 1228 г. Проповедовал аскетизм, любовь к ближнему и братство. Основатель братства миноритов (1207–1209 гг.) – «меньших братьев», которое позже преобразовалось в орден францисканцев.

¹¹ Латини Брунетто (1220–1294), итальянский и французский писатель, общественный деятель, секретарь Флорентийской республики.

Словами и делами
Я оскорблял ее.¹²

Брунетто читает с *Данте* Вергилия¹³ и говорит ему о славе великих древних поэтов.

Коль будешь верен ты своей звезде.
То и тебе откроет двери Слава.¹⁴

Запечатлен во мне навеки, сэр Брунетто,
Ваш дорогой, любезный, отчий лик.
Тому меня вы первый научили.
Как человек становится бессмертным.¹⁵

Отроку *Данте* надо сделать выбор между двумя бессмертными, небесным и земным, – между двумя путями, – вслед за Франциском Ассизским или за «божественным» Вергилием.

После первой встречи с Беатриче, «бог Любви воцарился моей душе так, что я вынужден был исполнять все его желания. Много раз повелевал он мне увидеть этого юнейшего Ангела».¹⁶

¹² Цитата из аллегорической поэмы Б. Латини «Tesaurette».

¹³ Вергилий Марон Публий (70–19 до н. э.) – римский поэт.

¹⁴ «Ад». Песнь XV, ст. 55–56.

¹⁵ «Ад». Песнь XV, ст. 82–85.

¹⁶ «Новая жизнь», II.

Отрок *Данте* видит *Биче* и говорит с нею все в той же длинной черной тени, откинутой утренним солнцем от башни Дэлла Кастанья на белую площадь Сан Мартино.

Сэр Алигьери заключает у нотариуса письменный договор с ближайшим соседом своим. *Манетто Донати*, о помолвке сына с маленькой двенадцатилетней дочерью Манетто, *Джеммой*. Данте знал ее давно, раньше, чем Беатриче, потому что они жили почти под одною кровлею, в двух соседних домах, разделенных только небольшим двором, видятся постоянно, вместе играли и беседовали на той же солнечно-белой площади, в той же черной тени от башни, где встречался он и с *Биче*. Но в день помолвки, глядя на *Джемму*, эту знакомую, миловидную, но почему-то ему опостылевшую, скучную девочку, он вспоминает ту, другую, единственно ему родную и желанную, – *Биче*.

II. Пожираемое сердце

1

Флорентийские празднества «бога Любви», Signor Amore, происходят в том самом году, когда этот бог явился впервые восемнадцатилетнему юноше, Данте.

«В 1283-м году от Рождества Христова, в месяце Июне, в Иванов день, в городе Флоренции, бывшем тогда в великом спокойствии, мире и благополучии, благодаря торговле и ремеслам, – многие благородные дамы и рыцари, все в белых одеждах, шествуя по улицам, с трубами и многими другими музыкальными орудиями, чествовали в играх, весельях, плясках и празднествах, того Владыку, чье имя: „бог Любви“. И праздновалось то празднество около двух месяцев, и было благороднейшим и знаменитейшим из всех, какие бывали когда-либо во Флоренции. Прибыли же на него и из чужих земель многие благородные люди и играцы-скоморохи, и приняты были все с великим почетом и ласкою».

В эти дни вся Флоренция – город влюбленных юношей и девушек; таких же, как Данте и Беатриче.

«Ровно через девять лет после первого явления той Благороднейшей, gentilissima, она явилась мне снова, в одежде белейшего цвета, между двумя благородными дамами стар-

шего возраста, и, проходя по улице, обратила глаза свои в ту сторону, где я стоял, в великом страхе, и с несказанною милостью поклонилась мне так, что я, казалось, достиг предела блаженства».

Я, прежде чем Ее мои глаза
Увидели, – уже по тайной силе,
Что исходила от Нее, – узнал,
Какую все еще имеет власть
Моя любовь к Ней древняя, как мир.¹⁷

– Помните, Данте, белую розу? – спрашивает его, подойдя к нему, Беатриче.

Белая Роза – алая кровь;
Солнце на небе – в сердце любовь. —

хочет он ответить и не может. И она уходит медленно, оглядываясь на него с такой улыбкою, что он бледнеет, дрожит и едва не лишается чувств.

¹⁷ «Чистилище». Песнь XXIV, ст. 52–54.

2

«Вне себя, я бежал от людей в уединенную келью мою и начал думать об этой Любезнейшей. И в мыслях этих, нашел на меня тишайший сон, и посетило меня чудесное видение: как бы огнецветное облако, внутри его образ Владыки, бога Любви. Signor Amore, с лицом для меня ужасным; но, сам в себе, казался он радостным; и понял я из многого, что он мне говорил, только одно: „Я – твой владыка. Ego dominus tuus“. И увидел я, что девушка спала на руках его, вся обнаженная, только в прозрачайшей ткани цвета крови. И в одной руке держал он что-то, горевшее пламенем, и сказал мне так?

– Вот сердце твое! Vide cor tuum!

«И, подождав немного, он разбудил спящую и принудил вкусить от того, что пламенело в руке его. И она вкушала, в сомнении. Вскоре же после того, радость его обратилась в плач, и, подняв на руках девушку, он вознесся с ней на небо. Я же почувствовал такую скорбь, что легкий сон мой вынеси ее не мог, – проснулся».¹⁸

¹⁸ «Новая жизнь», III.

3

Стоя у открытого окна, за письменным поставцом-аналогом, *Данте* пишет первые стихи:

Всякой любящей душе и благородному сердцу...

Привет, в их Владыке, чье имя: Любовь.

A ciascun'alma presa e gentil core...

Salute in lor signor, cioè Amore.¹⁹

... Я один из тех,

Кто слушает, что говорит в их сердце

Любовь, и пишет то, что слышит.²⁰

Пальцы у него в чернилах, как у школяра-схоластика, но дрожат от волнения, когда пишут стройными, длинными и тонкими, на него самого похожими, буквами «сладкие речи любви». Сухо шелестят страницы пыльных, старых книг; но подымает их веющий из окна, душисто-влажный, как поцелуй любви, весенний ветер. В ясном небе горит Звезда Любви, а на земле – розово-серая туманность, жемчужность раннего летнего утра, и та же в ней грусть о недолговечности всех радостей земных как и в детски-испуганных глазах

¹⁹ «Новая жизнь», III.

²⁰ «Чистилище». Песнь XXIV, ст. 52–54.

«Весны» Боттичелли,²¹ «Primavera».²²

Лицо у Данте такое, как на портрете Джиотто: полузакрытые, как у человека засыпающего или только что проснувшегося, глаза, в призрачно-прозрачном, отрочески-девичьем лице – неисцелимая грусть и покорная жертвенность, как у любящего, чье сердце пожираемо возлюбленной; губы бескровны, точно всю кровь из жил высосал жадный вампир – сладкий и страшный бог-демон Любви.

²¹ Боттичелли Сандро (наст. имя – Филиппеи Алессандро) (1445–1510), итальянский художник.

²² «Весна» (ок. 1477–1478 гг.).

III. Муж Беатриче

1

Первый друг и учитель *Данте* в поэзии, *Гвидо Кавальканти*,²³ лучший Флорентийский поэт тех дней, прекрасный юноша, благородный рыцарь, любезный и отважный, но гордый и нелюдимый, весь погруженный в науку, говорит *Данте* о том, что Биче *Портинари* выдана замуж за мессера Симоне де Барди. уже немолодого вдовца из вельможного рода богатейших Флорентийских купцов и менял.

Фолько Портинари, выдавая за него дочь, так же хотел ей добра, как отец Данте – сыну, совершая помолвку его с Джеммой Донати. Семнадцатилетняя Биче, выходя замуж, знала немногим больше, что с нею делается, чем помолвленный двенадцатилетний *Данте*. Но теперь он уже это знает и за себя и за нее. Сколько бы ни затыкал ушей, не может не слышать нового ее, чужого имени: «монна Биче де Барди», сколько бы ни закрывал глаз, не может не видеть, как входит невеста в брачный покой жениха в великолепном дворце крепости де Барди, с толстыми, точно тюремными, стенами,

²³ (Ок. 1259–1300) флорентийский философ и поэт, друг Данте, сын гвельфа Кавальканти Кавальканти, упоминающегося в 10 Песне «Ада».

в далеком квартале за Арно,²⁴ у моста Рубаконте; и как бы ни хотел умереть или сойти с ума, чтобы не думать – все таки думает о том, что было с нею, когда она туда вошла.

Однажды ночью, встретив на пустынной улице мессера *Симоне де Барди* и видя, как вельможный меняла кланяется ему, бедному школяру-стихотворцу с насмешливо преувеличенной любезностью, *Данте*, сжимая рукоять ножа, спрятанного под одеждой у пояса-веревки св. Франциска, чувствует, с каким наслаждением вонзил бы нож в сердце Беатричина мужа, и в то же время знает, что если он этого не сделает, то вовсе не потому, что, как св. Франциск, прощает врагу.

²⁴ Река в северной Италии у подножья Апеннинских гор, на которой стоит Флоренция

2

Утром на следующий день, исповедуясь духовнику своему, брату *Убертино да Казале*,²⁵ Данте кается в этом мысленном человекоубийстве. Брат *Убертино* рассказывает ему легенду²⁶ об искушении св. Франциска Ассизского, и Данте видит рассказанное в видении.

Зимнею ночью, в лютую стужу, когда молился однажды *Франциск* в келье своей, диавол разжег в нем лютую похоть. Скинув одежду, святой начал себя бичевать по голому телу поясом-веревкой. Падает удар за ударом, но похоть от них только лутеет. Жало бича впивается, как жало поцелуев, в облитое кровью тело, – чем больше, тем слаще. И диавол торжествует над святым. Тот кидается к двери и выбегает в сад, как человек, за которым гонится враг по пятам.

Юный послушник, стоя на молитве в соседней келье, заглянул в окно и, хотя в саду от яркой луны светло, почти как днем, – сразу не понимает того, что видит: прыгает, пляшет, как канатный плясун, в снежном сугробе, или валяется в нем голый человек, и на теле его, голубом от луны, выступают черные полосы. «Диавол!» – шепчет послушник и вдруг узнает Блаженного и понимает, что черные полосы на теле – кровавые. Выйдя потихоньку из кельи, послушник взгляделся

²⁵ Духовник Данте, монах ордена св. Франциска.

²⁶ (1891)

и вслушался. Снегу набирая в пригоршни, что-то бормоча и как будто смеясь, лепит Франциск снежные куклы, мужские и женские. Вылепив их семь, говорит: «Видишь, Франциск: эта большая средняя, – жена твоя; эти четыре поменьше, – два сынка твои и две дочки, а те две, позади, – слуга и служанка. Видишь, как им, бедненьким, холодно? Надо их скорее одеть и согреть...

Если же скучно и тошно тебе от стольких забот, – уйди от них, забудь их и радуйся, что служишь Единому Господу!»

– «Так же и ты, радуйся, Данте, что в чистоте непорочного девства Единому Господу служишь! – заключает брат *Убертино*. – Ступай же с миром, сын мой, и помни, что пояс-веревка св. Франциска спасет тебя от всех искушений плотских и со дна адава вытащит!»

IV. Дама щита

1

Ранняя Флорентийская весна, такая же, как на картине Боттичелли *Primavera*. Роща молодых тополей, на берегу Арно, сквозит на утреннем солнце прозрачную зеленью. Грустному кукованью кукушки отвечает далекая пастушья свирель за рекой.

Данте и Гвидо Кавальканти, гуляя в роще, беседуют о новом веселом звании» *gaia scienza*, возвещаемом на Провансальских «Судах Любви». *Cours d'Amour*, бродячими певцами, труверами и трубадурами.

– Лучший бальзам на раны сердца твоего, мой друг, – это «веселое звание», – говорит *Кавальканти*, по своему обыкновению, так насмешливо-двусмысленно, как будто сам не верит тому, что говорит. – Истинной любви не может быть между супругами, потому что брачная любовь и та, которая соединяет истинных любовников, исходят из различнейших чувств. Самая блаженная и огненная – любовь издалека, *amour da lungi*, а плотская похоть в браке есть начало греха и смерти. Еву познав, умер Адам. Выбери же одно из двух, земную любовь или небесную, чтобы не мучаться так и не презирать себя за эти напрасные муки. О сколько раз к тебе

я приходил, но видел я тебя в столь низких мыслях, что твоего высокого ума и сил потерянных мне было жалко! Чтобы человек, молодой и влюбленный в женщину так, что бледнеет и краснеет, завидев ее только издали на улице, а когда она к нему подходит, убегает, боясь лишиться чувств, – чтобы такой возлюбленный ничего от любимой не пожелал, кроме мимолетного приветствия, – этому люди никогда не поверят; веришь ли ты этому сам? Не слишком ли торопишься сделать из земной женщины Ангела, не спрашивая, хочет ли она этого сама? Но сколько бы ни делал из нее Ангела, ты не можешь не знать, что муж входит в спальню не к Ангелу, а к женщине...

Гвидо сообщает *Данте* заповедь новой любви – нерушимую тайну:

– Узнанная любовь не приносит чести любовнику, потому что омрачает ее дурными слухами, так что он жалеет, что не утаил ее от людей. Тайне истинной любви служит мнимая, к Даме Щита, Donna Schermo. Верен будь этой заповеди, и ты избавишься от бесполезных мук...

– Вот как просто! – усмехается *Данте*. – И овцы целы и волки сыты. Всех обману, в том числе и Даму Щита. Как бы эта игра в мнимую любовь не оказалась опасной для истинной!

– Волков бояться – в лес не ходить! – смеется и *Гвидо*.

2

Лунная ночь над Флоренцией. Вилла Фрескобальди, на склонах горы Фьезоле. В черной тени кипарисов кружатся светляки, как свечи невидимых Ангелов. Редкие, тихие капли падают из мшистой раковины в водоем, как тихие слезы.

Сидя вокруг фонтана в саду, *молодые дамы* беседуют, в родном из тех собраний, которые при дворах Провансальских владетельных князей, называются «Судами Любви», Cours d'Amour.

Слышится далекая песня под звуки виолы. Музыкант *Казелла* поет стихи Данте.

Любовь с моей душою говорит...
Но слов любви мой ум не понимает

Amor che ne la mente mi radiona...
cióche lo mio intelletto non comprende.

– Как хорошо Господи, как хорошо! Лучше не поют и ангелы в раю. – восхищается *одна из дам*.

– Чьи это стихи? – спрашивает *другая*.

– Данте.

– Удивительно, как такой низкий человек мог сочинить такие стихи!

– Почему же низкий?

– Потому что любит двух.

– Что за беда? Двух любить не только можно, но и должно, по законодательству новой любви: муж любит жену и любовницу, и жена – мужа и любовника. Не для того ли нужны Дамы Щита?

– Бедная монна Биче! Надо бы ее остеречь...

– Будьте покойны – не слепая: видит, с кем имеет дело!

– А любопытно было бы знать, кто кому служит щитом, монна Ладжия²⁷ монне Биче, или наоборот...

– Сами, должно быть, не знают. Ох уж эта мне новая любовь! Погибнет от нее когда-нибудь наш бедный город. Содом и Гоморра!²⁸

– Кажется и без новой любви погибает...

А вот и она, легка на помине!

Медленно проходит *Беатриче*, вся в белом, только на груди – алая роза, похожая, в лунном свете, на рану с черной запекшейся кровью.

²⁷ Возлюбленная флорентийского нотариуса и поэта Лапо Джанни, друга Данте.

²⁸ (Бытие XIX, 24–29).

3

В темной глубине сада. в беседке из розовых кустов, стоя на коленях перед монной Ладжией. Дамой щита. *Данте* читает стихи:

Любовь с моей душою говорит...
Но слов любви мой ум не понимает...

Тихо осыпаясь от ночного ветра, падают к ногам его, как снег, лепестки белых роз.

Медленно проходит мимо беседки Беатриче, с закрытыми глазами, точно во сне. Вдруг останавливается, как будто прислушиваясь, и потом идет дальше. Алая роза, при лунном свете, на ее груди, чернеет, как рана с черной запекшейся кровью.

V. Бог любви – геометр

1

«Начали глаза мои слишком услаждаться видом ее (Дамы Щита), и часто я мучился этим, потому что это мне казалось очень низким». – «Может быть, эта благородная Дама послана мне самим богом Любви для того, чтобы мне утешиться», – думал я часто, и сердце мое соглашалось на это. Но едва согласившись, говорило: «Боже мой, что это за низость?» Так я боролся с самим собою, но знал об этой борьбе только тот несчастный, который мучился в ней. И слишком многие стали о том говорить больше, чем должно, по законам любви, *oltre li termini de la cortesia*, и это было мне так тяжело, что я не мог вынести»²⁹ «И по причине молвы, бесчестившей меня, эта Благороднейшая, разрушительница всех пороков и царица добродетели, проходя однажды мимо меня, отказала мне в своем приветствии, в котором заключалось все мое блаженство».³⁰

Молча, глазами, спросил он ее, как всегда: «Можно любить?» и она ответила, тоже молча, но не так, как всегда:

²⁹ «Новая жизнь», XXXVII, XXXVIII.

³⁰ «Новая жизнь», X.

«Нет, нельзя!» И точно земля под ним разверзлась, небо на него обрушилось, от этих двух слов, когда он понял, что они значат: «Если ты хочешь любить двух, я не хочу быть одной из двух!»

2

«И почувствовал я такую скорбь, что, бежав от людей туда, где никто не мог меня видеть, начал горько плакать. Когда же плач немного затих, я вернулся домой, в комнату мою, где жалоб моих никто не слышал. И начал снова плакать, говоря: „Любовь, помоги!“ И, плача, я уснул, как маленький прибитый мальчик. И увидел во сне юношу, в белых одеждах, сидевшего на моей постели. И мне казалось, что он смотрит на меня, о чем-то глубоко задумавшись. И потом, вздохнув, он сказал:

– Сын мой, кончить пора наши притворства!

«И мне показалось, что я знаю его, потому что он назвал меня так, как часто называл в сновиденьях. И, взглядевшись, я увидел, что он горько плачет».

Этот юноша в «белейших одеждах», таких же, как у *Бетриче*, «Владыка с ужасным лицом». Ангел, бог или демон Любви, тоже плачет, «как маленький прибитый мальчик» – сам *Данте*; он и лицом похож на него, как двойник.

– «И я спросил его: „О чем ты плачешь, Господин?“ – „Я – как бы в центре круга, находящийся в равном расстоянии от всех точек окружности, а ты – не так“ – ответил он».

– Циркуль, вместо Факела, – в руке у этого демона – бога Любви: меряет божественный Геометр круг любви – круг вечности.

Я был тому геометру подобен,
Который ищет квадратуры круга
И не находит...
Вдруг молнией был поражен мой ум, —
Я понял все, но в тот же миг.
Потухло все в уме изнеможенном.³¹

«... И я сказал: „Зачем ты говоришь так непонятно?“ И он в ответ: „Не спрашивай больше, чем должно“... Тогда, заговорив об отказанном мне приветствии, я спросил его о „причине отказа, и он сказал мне так: «Беатриче наша любимая узнала, что ты докучаешь той Даме Щита: вот почему, не любя докучных людей и боясь, что ты будешь и ей докучать, не удостоила она тебя приветствием. Знает она, что дух скуки овладел твоей униженной душой, как у тех малодушных, отвергнутых небом и адом, которых ты некогда так презирал, и один из которых теперь — ты сам“.³²

³¹ «Рай». Песнь XXXIII, ст. 133–142.

³² «Новая жизнь», XII.

3

Кто-то из друзей *Данте* приводит его в дом, где многие благородные дамы собрались к *новобрачной*, ибо в том городе был обычай, чтоб невестины подружки служили ей, когда впервые садилась она за стол жениха.

– Зачем ты меня привел? – спрашивает Данте.

– Чтобы послужить этим дамам, – отвечает друг. «Желая ему угодить, я решил им служить вместе с ним. Но, только что я это решил, как почувствовал сильнейшую дрожь, внезапно начавшуюся в левой стороне груди и распространившуюся по всему телу моему. Я прислонился к стенной росписи, окружавшей всю комнату, и боясь, чтобы кто-нибудь не заметил, как я дрожу, – поднял глаза и, взглянув на них, увидел среди них Беатриче и едва не лишился чувств. Многие дамы, заметив то, удивились и начали смеяться надо мной... Тогда мой друг, взяв меня за руку, вывел оттуда и спросил, что со мной... И, придя немного в себя, я ответил: „Я был уже одной ногою там, откуда нет возврата“... И, оставив его, я вернулся домой, в комнату слез, где, плача от стыда, говорил: „О если бы Дама эта знала чувства мои, она не посмеялась бы надо мной, а пожалела бы меня!“³³

Душа моя, гонимая любовью,

³³ «Новая жизнь», XIV.

уходит из жизни этой, плача...
Но та, кто столько сделала мне зла,
подняв убийственные очи, говорит:
«Ступай, ступай, несчастный, уходи!» —
... Смехом ее убивается жалость...³⁴

Сладкие стихи любви мне должно оставить
навек, потому что, явленные в ней
презренье и жестокость
замыкают уста мои.
... Долго таил я рану мою ото всех;
теперь она открылась перед всеми:
я умираю из-за той,
чье сладостное имя: Беатриче...
Я смерть мою прощаю той,
Кто жалости ко мне не знала никогда!

³⁴ «Новая жизнь», XV, С. 8.

VI. Смерть Беатриче

1

Летняя звездная ночь смотрит в окно сквозь толстые чугунные решетки мрачного дворца-крепости рода де Барди, вельможных менял. На постели, под великолепным парчовым пологом, лежит больная *Беатриче*. Монна Ванна, сестра ее,³⁵ входит в спальню и, подойдя к Беатриче, подает ей письмо. Та, при свете лампы, теплящейся перед иконой Богоматери, читает стихи Данте.

Столько же, как прежде, казалась мне любовь жестокой,
кажется она теперь милосердной...
и чувствует душа моя такую в ней сладость,
что об одном только молит любимую, —
дать ей больше этого блаженства.³⁶

Беатриче целует листок, прячет его под подушку и говорит:

— Ванна, когда я умру, положи этот листок вместе со

³⁵ Джованна, возлюбленная флорентийского поэта Гвидо Кавальканти.

³⁶ «Новая жизнь», XVII (канц.).

мною, во гроб...

Да наградит Бог того, кто дал мне так любить и страдать!

Входит священник со Святыми Дарами и, по уходе монны *Ванны*, исповедует умирающую. Хочет ее причастить, но она делает знак, чтобы он наклонился, и шепчет ему на ухо:

– Есть у меня, отец, еще одно на сердце, о чем я никогда никому из людей не говорила и о чем только Богу скажу: я любила всю жизнь не мужа, а другого.

– Каешься ли ты в этом великом грехе, дочь моя?

– Нет, я не могу каяться в том, что не грех для меня, а святыня.

– Может ли быть прелюбодеяние свято? Если не покаешься, погибнешь...

– Нет, не погибну. Кто дал мне эту любовь, Тот и спасет.

– Я тебя причастить не могу, если не покаешься.

Умирающая смотрит на него молча, но так, что *он* понимает, что если он ее не причастит, то она умрет без покаяния. Тоже молча, отходит он в глубину комнаты, ставит чашу с Дарами на аналой перед иконой Богоматери, падает на колени и молится. Потом снова подходит к умирающей и говорит осенив ее крестным знаменем:

– Дева Мать Пречистая берет тебя под свой святой покров не я – Она сама тебя причастит...

Слышится утренний колокол Ave Maria. Монна *Ванна* входит в комнату Так же как давеча – священнику, умирающая делает ей знак, чтоб она наклонилась и шепчет ей на ухо:

– Скажи ему, что я его одного...

С тихой улыбкой, не кончив, закрывает глаза. Первый луч солнца озаряет лицо ее, и монна *Ванна*, взглядевшись в него, угадывает то, что *Беатриче* хотела сказать: «Я его одного любила!»

Скорбь *Данте*, когда он узнает о смерти Беатриче, так велика, что близкие думают, что он умрет или сойдет с ума. Весь исхудалый, волосами обросший, сам на себя не похожий, так что жалко было смотреть на него, сделался он как бы диким зверем или страшилищем.³⁷

Может быть, он и сам думает о смерти и хочет умереть.

Каждый раз, когда я вспоминаю о той,
кого уже никогда не увижу,
я зову к себе смерть,
как отдых блаженный.³⁸

«Вскоре после того я тяжело заболел и начал бредить... И являлись мне многие страшные образы, и все они говорили: „Ты тоже умрешь... ты уже умер“. И мне казалось, что солнце померкло, звезды плачут, и земля трясется. И когда я ужасался тому, чей-то голос сказал мне: „разве ты еще не знаешь, что Дама твоя умерла?“ И я заплакал во сне, и сердце сказало мне: „Воистину она умерла!“ И тогда увидел я мерт-

³⁷ Боккаччо «Жизнь Данте» («Origine vita e costumi di Dante Alighiere») (издана в 1863 г.), III.

³⁸ «Новая жизнь», XXX, канц. 4.

вое тело ее. И так смиренно было лицо ее, что, казалось, говорило: „Всякого мира я вижу начало“.³⁹

Стоя у того же письменного поставца-аналоя, как три года назад, но уже не раннею весною, а позднею осенью когда оконные стекла затуманены, точно заплаканы, серым дождем, и желтые листья осыпаются с деревьев *Данте*, в полубреду, пишет торжественное, на латинском языке, «Послание ко всем Государям земли», – не только Италии но всего мира, потому что смерть Беатриче – всемирное бедствие, знамение гнева Божия на весь человеческий род:

«...Ее похитил не холод, не жар, как других людей похищает, но взял ее Господь к Себе, потому что скучная наша земля недостойна была такой красоты...»⁴⁰ «Как одиноко стоит Город, некогда многолюдный, великий между городами! Он стал как вдова».⁴¹

Город этот потерял свое Блаженство (Беатриче),
и то, что я могу сказать о нем,
заставило бы плакать всех людей.⁴²

«Скорбный город». *Citta Dolente*, для него не только Флоренция, но и вся Италия – весь мир.

³⁹ «Новая жизнь», XXV. Всякого мира я вижу начало... – Четвертая книга Моисеева (24, 17).

⁴⁰ «Новая жизнь», XXXI.

⁴¹ «Новая жизнь», XXVII.

⁴² «Новая жизнь», XL.

В скорбный Город входят через меня,
Per me si va nella Cittá Dolente. —

эти слова, написанные черным, *он* видит на челе ворот,
ведущих в Ад.

VII. Данте с девчонками

1

Зимняя ненастная ночь. Спальня в старом доме Алигьери, на Сан-Мартиновой площади. В темной глубине комнаты – огромная, похожая на катафалк, двуспальная постель. *Данте* сидит у потухшего очага, с древним рыцарским гербом – потускневшим золотым крылом в лазурном поле. *Джемма*, беременная, сидя у стола с нагоревшей свечой, шьет пеленки. Ветер стучит в ставни и воет в трубе очага.

Данте встает и потягивается, заломив пальцы над головою, так что кости в суставах трещат и говорит, зевая:

– Девять, кажется, у Бадии пробило. Ну, я пойду...

– Куда? – спрашивает *Джемма*, не подымая глаз от шитья.

– Сколько раз тебе говорить? К Лотто Кавалино, ростовщику. Сто флоринов, по сорока процентов на шесть месяцев.

– Сорок процентов! Ах, жид окаянный, чтоб ему свинца расплавленного в глотку! Ну да ладно, можешь и не ходить, дело сделано

Молча, неторопливо встает, откладывает шитье, втыкает в него иголку, снимает наперсток, подходит к железному ларцу у изголовья постели, отпирает его и, вынув туго набитый кошель, подает его Данте, а когда тот не берет, – кладет его

рядом с ним, на скамью, и, все так же неторопливо вернувшись к столу, принимается опять за работу.

– Пересчитай, 480 флоринов, по пяти процентов на год. Батюшка мой поручился. Едва упростила. Это последние, больше достать не могу. Долгу за три года 1.998 флоринов 59 сольдов. Если дальше так пойдет, по уши залезешь в долги и никогда не вылезешь,пустишь детей по миру.

Данте, взглянув на кошель, качает головой.

– Нет, этих денег я не возьму! Лучше дьяволу душу продать, чем таким двум ангелам, как вы с батюшкой...

– Что говорить пустое, еще как возьмешь! Деньги эти тебе до зарезу нужны, сам знаешь на что.

– На что же?

– Коли забыл, братец мой милый напомнит, мессер Форезе Донати,⁴³ цену золотых ожерелий модной французской работы, что нравятся девчонкам, он хорошо знает...

Данте снова потягивается, зевая.

– Какая скука. Господи, какая скука! Сколько лет одно и то же! Как тебе самой не надоест...

Джемма, закрыв лицо руками, всхлипывает; потом уходит в глубину комнаты, кладет голову на край постели и, уткнувшись в нее лицом, плачет навзрыд. Данте, крадучись как вор, проходит мимо нее к двери, открывает ее потихоньку и сходит по лестнице. *Джемма*, услышав, как скрипнула дверь, кидается к ней и кричит:

⁴³ Брат жены Данте. Друг Данте, один из его адресатов.

– Данте! Данте! Данте!

Ей никто не отвечает; только внизу хлопает с гулом входная дверь, и стучит на ней железный засов. Ветер воет в трубе. В темной комнате, при свете гаснущей свечи двуспальная постель похожа на огромный катафалк.

Скверная харчевня под вывеской Черного Кота, у Флорентийских боен. Главные завсегдатаи харчевни – мясники и фальшивомонетчики.

Данте и Форезе Донати, Джеммин брат, спутник всех Дантовых любовных походов за «девчонками». Сидят за пустым длинным столом только на другом конце его уснувший пьяница, опустив на стол голову, храпит. Юркий *старичок-хозяин*, похожий на мертвого высохшего паука суетясь, подливает вина в стаканы. Данте к нему не прикасается, но *Форезе* пьет за двоих.

– Кой же черт тебя дернул жениться? – спрашивает он, допивая третий стакан.

– Не черт, а черти, – дядюшки, тетушки, мамушки, бабушки, – все обступили, заговорили и женили. Лучшее, будто бы, лекарство от любви к чужой жене – своя. Но лекарство оказалось хуже болезни. Только одного искал я всю жизнь – тени, тишины и молчания, – и вот что нашел. Царь Давид перепиливал пленников деревянной пилой, а она меня – добродетелью...

– Бедная Джемма! Ты не думай, Данте, я ее потому жалею, что брат, – и чужому было бы жалко. Сколько лет видела, что ты любишь другую, слушала сладкие речи любви, оказанные не ей, а другой! Этого довольно было бы для всякой женщи-

ны, даже ангела, чтобы сделаться дьяволом...

– Знаю все, не говори... О, тяжело, тяжело вспомнить какую жизнь мы с тобою вели!.. Вещий сон приснился мне однажды: только что выйдя из темного дикого леса, преддверия ада, вижу, будто бы Пантера быстрая, легкая, ласковая, все забегает вперед и заглядывает мне в глаза, преграждая путь, и я уже хочу вернуться назад. Но весеннее утро так нежно, солнце всходит так ясно, и пестрая шкура Пантеры так весела, что я почти не боюсь... Знаешь, кто эта Пантера?

– Кто же?

– Сладострастная похоть. Похотью сплошной была вся моя жизнь. С девятилетнего возраста я уже любил и знал, к взнуздывает нас Любовь и шпорит, и как под ней мы плачем и смеемся. Кому в бока она вонзает шпоры, тот принужден за новым счастьем гнаться, каким бы ни было оно презренным... Здесь, в похоти, небо с землей, дух с явью уже не борются; здесь бог Любви строит мосты не между землей и небом, а между небом и адом... Самое страшное не то, что я изменял Беатриче с одной из многих девчонок, а то, что я люблю их обеих вместе. Только пел неземную любовь, как начинал петь совсем иную, нечистую. Страшная война противоречивейших мыслей и чувств, высоких, святых и грешных низких кончалась миром, еще более страшным. Пестрая, гладкая шкура Пантеры нежно лоснилась под утренним солнцем, и светлые пятна чередовались с темными так, что смотреть на них было весело. Нравилось мне это смешение

светлого с темным, небесного с подземным, – полета с падением. В ласковом мяуканьи Пантеры слышалось: «Бросься вниз с выси духа в бездну плоти, и Ангелы или демоны понесут тебя на руках своих, да не преткнешься о камень ногою твоею»... Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, пусть скажет оно Тебе, чего искало в этом бескорыстном зле – зле ради зла! Гнусно было зло, но я его хотел; я любил себя губить; любил мой грех, – не то, ради чего грешил, а самый грех. Гнусная душа моя низвергалась с неба Твоего. Господи, во тьму кромешную. Сладко мне было преступать закон и, будучи рабом, казаться свободным, в темном подобии всемогущества Божия...

Вздвогнув, точно проснувшись, *Данте* оглядывается на толстую, похожую на огромную жабу, старуху, монну *Стригу*, которая подкрадывается сзади к *Фореze*. Тот немного отойдя, шепчется с ней.

– Тридцать флоринов за каждую, больше не дам. Думаешь, старая ведьма, что я забыл, как намедни ты нас обманула, выдав одну девчонку за другую, кукушку за ястреба?

– Ну ладно, ладно, миленький, торговаться не буду, сам небось прибавишь, как увидишь товар. Этакая девчонка и королю французскому не снилась, пальчики оближешь!

Монна Стрига ведет *Данте* и *Фореze* по крутой, зловонной лестнице, в верхнее жильё, где ждут их, на площадке, две монахини в черных рясах и низко на лица надвинутых куколях. В дверь направо входит, с одной из них, *Фореze*, а

с другой, налево, *Данте*.

3

Низкая каморка на чердаке, где пахнет мышами и затхлою сыростью. В темной глубине комнаты – такая же двуспальная постель, похожая на катафалк, как в доме Алигьери. Скинув черную рясу и куколь, печальная монахиня превращается в веселую девочку, как темная куколка в светлую бабочку. Голое тело сквозит сквозь прозрачную ткань так же, как тело Беатриче, в видении Пожираемого Сердца.

Девочка садится на край стола, закинув ногу за ногу, и наливает вино в стакан.

– Точно кровь! – говорит, глядя на вино сквозь огонь свечи. – А ты что же не пьешь?

– Я вина не пью.

– Вот умный мальчик, вина не пьет и не целует девочек! Да что ты такой невеселый? Или монна Ведьма сглазила?

– Как тебя звать?

– Много у меня имен: Виолетта, Лизетта, Перголетта, Беатриче... Знаешь, как девочки в цветочных масках, что на играх бога Любви, водят хоровод спрашивают мальчиков: «Кто мы такие? Кто мы такие? Свои или чужие? Угадайте, – полюбим и чужих, как своих!»

Взяв лютню со стола, тихонько перебирает струны и поет:

Любовь с моей душою говорит.

Но слов любви мой ум не понимает...

– Чья это песенка, знаешь?

– Нет, не знаю.

– Данте к Беатриче. А вот и другая, тоже к ней. Удивительно, что один одной две такие песни мог сочинить!

О, если бы она, в кипящем масле,
Вопила так из-за меня, как я —
Из-за нее, я закричал бы ей:
«Сейчас, сейчас иду к тебе на помощь!»
О, только б мне схватить ее за косы,
Что сделались бичом моим и плетью. —
Уж я бы их не выпустил из рук,
От часа третьего до поздней ночи,
И был бы с ней не жалостлив и нежен,
А, как медведь играющий, жесток!
И если б до крови меня Любовь избила, —
Я отомстил бы ей тысячекратно.
И в те глаза, чье пламя сердце мне
Испепелило, я глядел бы прямо
И жадно; мукой бы сначала муку,
Потом любовь любовью утолил!

Вдруг, соскочив со стола, садится к нему на колени, обнимает его и целует, смеясь.

– Да ну же, ну, что же ты не играешь, медведь?

Раннее темное утро. *Девочка* спит на постели. *Данте* под-

ходит к окну и открывает ставни. Пламя свечи бледнеет на солнце. Красное вино, разлитое на столе, кажется лужею крови.

Данте зевает, потягивается, заломив руки над головою так, что суставы на пальцах трещат.

Какая скука. Господи, какая скука!

Слышится далекий колокол Ave Maria. В светлеющем небе горит Звезда Любви.

4. Видение Беатриче

... Как розовое солнце на востоке...
Является сквозь утренний туман...
Так Женщина сквозь облако цветов,
Что отовсюду Ангелы кидали,
Явилась мне, венчанная оливой,
В покрове белом и плаще зеленом
На ризе алой, как живое пламя.
И после стольких, стольких лет разлуки,
В которые отвыкла умирать.
Душа моя в блаженстве перед нею.
Я, прежде чем ее мои глаза
Увидели, уже по тайной силе,
Что исходила от нее, – узнал,
Какую все еще имеет власть
Моя любовь к ней, древняя, как мир...
... Я потрясен был и теперь, как в детстве.
Когда ее увидел в первый раз.
И обратясь к Вергилию, с таким же
Доверием, с каким дитя, в испуге
Или в печали, к матери бежит, —
Я так сказал ему: «Я весь дрожу,
Вся кровь моя оледенела в жилах;
Я древнюю любовь мою узнал!»
Но не было Вергилия со мной.
Ушел отец сладчайший мой, Вергилий.

Кому мое спасенье поручила
Владычица моя. И все, что видел
Я здесь, в земном раю, не помешало
Слезам облить мои сухие щеки,
И потемнеть, от них лицу. – «О Данте!
О том, что от тебя ушел Вергилий.
Не плачь: сейчас ты о другом заплачешь!»
Она сказала, и еще не видя
Ее лица, по голосу я понял,
Что говорит она, как тот, кто подавляет
Свой гнев, чтоб волю дать ему потом.
«Не узнаешь? Смотри, смотри же: это я,
Я, Беатриче!» И, потупив очи.
Увидел я, как отразилось в светлой
Воде источника мое лицо.
Горевшее таким стыдом, что взоры
Я от него отвел. Такой суровой,
Как сыну провинившемуся – мать.
Она казалась мне, когда я ощутил
Вкус горькой жалости в ее любви.
Вдруг Ангелы запели...
«Зачем его казнишь ты так жестоко?»
Послышалось мне в этой тихой песне.
И Ангелам ответила она:
«Дано ему так много было свыше,
Что мог бы он великого достигнуть.
Но чем земля тучней, тем злее злое семя.
Недолго я могла очарованьем
Невинного лица и детских глаз

Вести его по верному пути.
Как только что я эту жизнь на ту
Переменила, он меня покинул
И сердце отдал женщине другой.
Когда, от плоти к духу возносясь,
Я сделалась прекрасной и могучей.
То для него уже немилой стала,
И, обратив шаги на путь неправый.
Погнался он за призраками благ.
Что не дают того, что обещают.
Напрасно, в вещих снах и вдохновеньях,
Я говорила с ним, звала его.
Остерегала, – он меня не слушал
И презирал...
И, наконец, так низко пал, что средства
Иного не было его спасти,
Как показать ему погибших племя...
Я для того сошла с преддверья Ада,
К тому, кто должен был вести его на небо.
И, горько плача, за него молила...
О, ты, на берегу ином стоящий,
Скажи, права я или нет?» —
Вонзая в сердце острие ножа.
Чей даже край его так больно резал. —
Она меня спросила, но в таком
Я был смятеньи, что не мог ответить.
И лишь стыдом и страхом, поневоле,
Такое «да» исторглось у меня,
Что мало было слуха, – глаз был нужен.

Чтоб по движенью губ его увидеть...
И голос мой рыдания заглушили...
«Какими был цепями ты окован?»
Она заговорила, помолчав. —
«Какие рвы тебе идти мешали.
Куда звала тебя моя любовь?» —
«Мирских сует соблазны извратили
Мой путь, когда вы скрыли от меня лицо», —
Пролепетал чуть слышно я сквозь слезы.
Тогда она: «Не плачь, а слушай; верный путь
Тебе указан был моею смертью.
Не мог найти в природе и в искусстве
Ты ничего по высоте блаженства,
Подобного моим прекрасным членам.
Рассыпавшимся ныне в прах и тлен.
Но если, и в таком блаженстве, смертью
Ты был обманут, чем еще земным
Ты мог бы соблазниться?
Пораженный Земных обманов первою стрелой.
Ты должен был свой путь направить к небу.
От смертного, вослед за мной, бессмертной,
Не опуская крыльев в дольный прах.
Чтоб новых ждать соблазнов от девчонок
Или иных сует ничтожных мира.
Попастся может глупый птенчик дважды
И трижды в сеть, но старым умным птицам
Ни сеть ловца, ни лук уже не страшен...»
Как виноватый мальчик — перед старшим, —
Глаза потупив молча от стыда.

Я перед ней стоял. – «Что, больно слушать?
Так подыми же бороду, в глаза
Мне посмотри, – еще большее будет»,
Она сказала. Налетевшей буре,
Когда она с корнями дубы рвет. —
Противится из них крепчайший меньше,
Чем я, когда к ней подымал лицо
И чувствовал, какой был яд насмешки в том,
Что бороною назвала мое лицо.
И между тем, как смутными очами
Я на нее смотрел, казалось мне,
Что красотою новой здесь, на небе,
Она себя превосходила, так же,
Как на земле – всех жен земных когда-то.
И жало угрызения мне сердце
Пронзило так, что все, что я любил
Не в ней одной, я вдруг возненавидел.
И боль такая растерзала душу,
Что я упал без чувств, и что со мною было.
Она одна лишь знает.⁴⁴

⁴⁴ «Чистилище». Песнь XXX, ст. 28–83. Песнь XXXI, ст. 1 – 90.

VIII. Разделенный город

1

Темной синевой синее утреннее небо между желто-серыми зубчатыми стенами Барджелло. Встретившись на площадке лестницы, идущей со двора в большую палату Совета, *Данте* и старый учитель его *Брунетто Латини*, бывший канцлер Флорентийской Республики, беседуют.

– Можно тебя поздравить, мой друг? – спрашивает с насмешливой улыбкой *Брунетто*. – Пришлось-таки записаться в аптекари?

– Что же делать, учитель? Не было другого средства обойти новый закон, воспрещающий гражданам, не записанным в цехи, исполнять государственные должности.

– Вот до чего мы дожили, Данте, неизвестный поэт, известный аптекарь, на побегушках у Ее Величества Черни! Будет побежден маленький Данте большим мясником Пэкорой! Надвое разделился наш город между богатыми и бедными, «жирным городом» и «тощим», так что нет уже ни одного Семейства, не разделенного в самом себе, где брат не восставал бы на брата. Но знаю: разделившись, земля спасти не может, и эта мысль жестоко терзает мне сердце... Так премудры наши законы, что, сделанное в середине но-

ября, не сходится с октябрьским нашим делом. Уж сколько, сколько раз, за нашу память, меняли мы законы, обновляясь; но если б вспомнили все, что было, то поняли бы, что подобны тому больному, который, не находя покоя, ворочается с боку на бок, на постели, чтобы обмануть болезнь... Кажется, на край света бежал бы, чтобы этого больше не видеть!

– Некуда бежать, мессер Брунетто! Уже давно землей никто не правит, – вот отчего во мраке, как слепой, род человеческий блуждает. Эта чума идет оттуда, где каждый день продается Христос, из логова Римской Волчицы, что, в голоде своем ненасытимом, лютее всех зверей. Волчья склока бедных с богатыми есть начало войны бесконечной.

Люди с людьми, как волки с волками, всюду грызутся, только шерсть летит клочьями, а падаль, из-за которой грызутся, – не только Флоренция, но и вся Италия – весь мир. Да, некуда бежать, потому что весь мир есть Город Разделенный, Город Плачевный, – Ад!

В сводчатой палате Совета рядом с часовней Барджелло, где находится над алтарем писанный Джиотто портрет юного Данте, – сквозь разноцветные оконные стекла падают радужные светлы на крытый алым сукном, длинный стол, за которым происходит заседание Совета Ста, *Consiglio dei Cento*. Члены Совета, Флорентийские купцы и менялы, цеховые консулы двух великих искусств Шерсти и Шелка, в четырехугольных красных шапках и величественных красных тогах с прямыми длинными складками, подобны древнеримским сенаторам. В верхнем конце стола, под цеховым знаменем Шерсти – белым Агнцем с алым Крестом – рядом с Приором, верховным сановником Флорентийской Коммуны, сидит *Гонфалоньер Правосудия*, а против них, на другом конце стола, – маленький лысый старичок, в лиловом пурпуре, с бледным лицом и рысьими глазками, папский легат, *кардинал Акваспарта*.⁴⁵

– Дети мои возлюбленные. – говорит он уветливым голосом, – будьте уверены, что ничего не желает Святейший Отец, кроме вашего мира и счастья. Будьте же ему покорны во всем, ибо он есть Наместник Того, Кого поставил Бог су-

⁴⁵ Акваспарта Маттео д' – Кардинал, папский посол во Флоренцию. Дважды накладывал интердикт, запрещающий проведение всех церковных служб и деловые связи между жителями города во Флоренции.

дить живых и мертвых и Кому дал власть надо всеми царями и царствами. Верьте, что и в этом деле – продлении службы Флорентийских ратников, печется он ни о чем ином, как только о вашем же собственном благе.

– Во имя Отца и Сына и Духа Святого! – возглашает Приор, вставая и осеняя себя крестным знамением. – Вам предстоит, яснейшие сеньоры, голосование по этому делу...

– Нет, сын мой, – возражает *Акваспарта*, – воля Его Святейшества нам известна в точности: так как первое голосование уже было, то второго не будет.

– Очень, ваше преподобие, жалею, но принятого Коммуной устава мы изменить не можем, хотя бы и для Государя Папы. Если кто-нибудь из ваших милостей имеет что-либо сказать по этому делу, прошу о том заявить.

– Я имею, – говорит *Данте*, вставая.

– Голос принадлежит мессеру Данте Алигьери.

– Слушайте! Слушайте!

– Хочет ли мира Государь Папа или не хочет, мы не знаем; знаем только одно: он хочет подчинить себе сначала всю Тоскану, а потом – всю Италию, всю Европу, весь мир, и чтобы этого достигнуть, вмешивается в братоубийственную войну, разделяющую наш город, и зовет на него чужеземного хищника, Карла Валуа. А посему, полагаю: в пользу Государя Папы ничего не делать, *nihil fiat*.

Акваспарта, отодвинув кресло с таким шумом, что гулкое эхо под сводами палаты повторяет этот звук, – быстро встает

и уходит.

– Голосование открыто, – объявляет *Приор*.

В такой же величественной тишине, как в древнеримском Сенате, эхо под сводами опять повторяет гул медленно падающих в медные урны свинцовых шаров.

После подсчета голосов Приор объявляет:

– Во имя Отца и сына и духа Святого, предложение мессера Данте Алигьери принято: в пользу Государя Папы ничего не делать.

Члены Совета встают и расходятся отдельными кучками, беседуя.

– Что это, мессере, вы о двух головах, что ли? – шепчет *один из членов* на ухо *Данте*. – Может ли спорить человек безоружный с Римским Первосвященником, могущественнейшим государем Европы? Или вы еще не знаете, что кардинал Акваспарта уполномочен Святейшим Отцом отлучить вас от Церкви?

– Нет. знаю: этого давно уже хотят и этого ищут там, где каждый день продается Христос.

– И сами же в волчью пасть суете голову, соглашаясь участвовать в посольстве к папе?

Слышится сначала далекий, потом все приближающийся гул набата.

– Что это? У Санта Мария Новелла набат?

– Да, и у Санто-Спирито.

– Бунт или пожар?

– Судя по звону, и то и другое.

Военачальник Флорентийской Коммуны, *Капитано дэль Пополо* быстро входит в палату.

– Что случилось, капитан? – спрашивают, окружив его, члены Совета.

– Верно еще никто ничего хорошенько не знает, но кажется, у Санта Тринита, конный отряд Белых напал на такой же отряд Черных, начался уличный бой, кто-то кому-то отрубил нос мечом, и, когда об этом узнали, весь город взялся за оружие. Только что открыт, будто бы, заговор Черных, чтобы, с помощью папы, призвать Карла Валуа...⁴⁶

– А ведь вы, мессер Данте, оказались-таки нелживым пророком!

– О, как бы я хотел им не быть!

⁴⁶ Карл 1 Аппуйский (Валуа) (1220–1285), король Франции.

IX. Маленький антихрист

1

В городе Ананьи, в папском дворце, внутренний покой, мрачная палата с низко нависшими сводами на гранитных столбах. *Папа*⁴⁷ сидит на престоле, под шитым золотыми ключами Петра пурпурным пологом. На голове его алого бархата скуфейка с алмазным крестиком и на ногах такие же туфли. В старчески-мертвенном лице чудно-живые, молодые глаза, на тонких губах скользящая иногда улыбка, не злая и не добрая, но такая, что от нее становится жутко.

Папа беседует наедине с одним из трех Флорентийских послов. *Гвидо Убальдини*. Двое остальных ожидают за тяжелой парчовой завесой. Тут же апостолический камерьер, в камзоле лилового шелка, и полуразбойничьего вида гайдук, в стальных латах.

– Когда намедни посол Священной римской Империи целовал туфлю Его Святейшеству, тот воскликнул: «Я Сам – император! Ego sum Imperator!» И ударил его по лицу так, что кровь у него пошла из носу, – шепчет *Убальдино* на ухо

⁴⁷ Бонифаций VIII (?-1303), папа Римский с 1294 по 1303. По мнению современников, «он подкрался, как лисица, царствовал, как лев, и умер, как собака».

Данте, выглядывая из-за складок завесы. – Если он и вас, мессере, так же ударит, то будет за что: крови Его Святейшеству никто не испортил больше, чем вы!

– Маленький Антихрист! – шепчет Данте.

– Как знать, может быть. и большой...

– Нет. Большой за Маленьким!

По знаку папы *камерьере* подводит к престолу его *Данте* и *Убальдино*. Оба, став на колени, целуют алмазный крестик на туфле Его Святейшества.

– Мир вам, дети мои! – говорит *papa*, благословляя по слов. – Мы очень рады вас видеть. Но зачем вы так упрямы. Флорентийцы? Будьте нам покорны, смиритесь! Истинно вам говорю, мы ничего не хотим, кроме вашего мира и счастья. Пусть же двое из вас вернуться во Флоренцию, и да будет над ними благословение наше, если добьются они, чтобы воля наша была исполнена.

Молча смотрит на *Данте* и потом прибавляет с тихой улыбкой:

– А ты, мой друг, еще побудешь здесь, со мной...

Глядя ему прямо в глаза, кладет ему на голову прозрачно бледную, как воск, женственно-тонкую руку с железным кольцом Рыбаря.

– Что опустил глаза? Подыми, коли совесть чиста. Так вот как, сынок: «В пользу Государя Папы ничего не делать?» Глупенький! Ты – железный, а я каменный. Когда о тебе памяти не останется, дело мое наполнит весь мир, ибо мне при-

надлежит всякая власть на земле и на небе: это будет сделано!

Перед *Данте*, целующим туфлю папы, проносится мгновенное, как молния, видение тех огненных ям в аду, в которые будет низринут, вниз головой и вверх пятнами, *papa Бонифаций VIII*. Маленький Антихрист, вместе с предшественником своим, *Николаем III*,⁴⁸ и всеми нечестивыми папами, торговавшими Духом Святым.⁴⁹

Торчали ноги их из каждой ямы
До самых икр, а остальная часть
Была внутри, и все с такою силой
Горящими подошвами сучили.
Что крепкие на них веревки порвались бы...
Над ямою, склонившись, я стоял.
Когда один из грешников мне крикнул:
«Уж ты пришел, пришел ты, Бонифаций!
Пророчеством на годы я обманут:
Не ждал, что скоро так насытишься богатством.
Которое наградил ты у Церкви,
Чтоб растерзать ее потом!»⁵⁰

⁴⁸ (Орсини), папа римский с 1277 по 1280 гт.

⁴⁹ Речь идет о фрагменте «Ада». Песнь XIX, ст. 22–27, 43–57.

⁵⁰ Цитируется «Ад». Песнь XIX, ст. 43–57.

2

1-го ноября 1302-го года. в день Всех Святых, город Флоренция подобен Плачевному Городу ада, *Cittá Dolente*. Слышатся звуки набата, и в кровавом зареве пожаров, на черном, точно подземном, небе рдеют как изнутри раскаленные, колокольни и башни города.

Карл Валуа, брат Французского короля Филиппа Красивого. Маленького Антихриста, «черный херувим», входит во Флоренцию, с небольшим отрядом всадников, и, подняв жесточайшую междоусобную войну в городе, опустошает его мечом и огнем.

Из Франции придет он безоружный,
С одним Иудиным копьем, которым
Флоренции несчастной вспорет брюхо.⁵¹

– Что это горит? – спрашивает *Карл*, видя зарево на ночном небе.

– Хижина, – отвечают ему, а горит один из великолепных дворцов, подожженных для грабежа, или одна из церквей. Треть города опустошена и разрушена.

После Карла врывается в город мессер *Корсо Донати*, во главе изгнанников, Черных. И водружает знамя свое на во-

⁵¹ «Чистилище». Песнь XX, ст. 73–75.

ротах Сан-Пьеро, квартала, где живет Данте.

10-го марта 1303 года, *конный глашатай* Флорентийской Коммуны, с длинной серебряной трубой, объезжая площадь за площадью, улицу за улицей, возглашает приговор:

– Во имя Отца и Сына и Духа Святого, Данте Алигьери, бывший приор, гнусный лихоимец, вымогатель, взяточник, вор, вместе с тремя сообщниками своими, уличенный в подстрекательстве граждан к междоусобной брани и в противлении святой Римской Церкви и Государю Карлу, миротворцу Тосканы, осуждается ныне вторым приговором на вечное изгнание и вечный позор. Так как обвиненный, не явившись на вызов суда, тем самым признал вину свою, то если будет схвачен, огнем да сожжется до смерти, *igne comburatur sic quod moraitur*.

Ночью буйная толпа черни, под предводительством *большого Мясника Пэкоры*, жжет и грабит старое гнездо *Алигьери* на Сан-Мартиновой площади.

– Вон как ветром головни понесло, прямо на дом Портинари! Видно гореть и ему, – говорит *кто-то* в толпе.

– Матерь Царица Небесная, помилуй нас и спаси! – шепчет *другой* и крестится. – Вот когда исполнилось пророчество Данте:

Город этот потерял свое Блаженство, Беатриче,
и то, что я могу сказать о нем,
заставило бы плакать всех людей...

Джемма, выгнанная на улицу, как нищая, сидит на тюках старой домашней рухляди, рядом с люлькой, где плачет *грудное дитя*.

Выброшенные из окна листки «Новой жизни»⁵² по ветру летят розовея в зареве пожара, как белые голуби, и, когда мясник Пэкора въезжает верхом на площадь, один из упавших ни нее листков лошадиным копытом раздавлен.

⁵² («V'ita nova») – Собрание лирических стихотворений Данте периода 1283–1290 гг., расположенных по определенному сюжетному заданию и снабженных автобиографическим и философским комментарием.

Х. Данте изгнанник

1

Поздней осенью на вилле Пальмерию, недалеко от Болоньи, сидя на скамье, посреди круглой площадки, где сходятся аллеи старых буков и кленов, *Данте* беседует с двумя Флорентийцами-изгнанниками мессером *Пальмерио дэлы Альтонитти* и мессером *Орландучио Орланди*.

Глупо, очень глупо! – говорит *Данте* задумчиво, как будто про себя.

– Что глупо? – спрашивает Пальмерию.

– Да вот что в приговоре написано. «До смерти огнем да сожжется». Как будто можно сжечь человека не до смерти...

– Вам точно весело, мой друг, читать свой приговор?

– Весело? Нет, не особенно, но падающая башня Гаризенда мне вспомнилась, можно видеть ее оттуда, из ворот, в конце сада, когда над нею облако проходит, то тем, кто внизу сморит на нее, кажется, что она готова упасть; так и жизнь человеческая: как будто все падает, но не упадет, может быть. потому, что ее построили умные черти нарочно так глупо..

– Вы этого приговора не знали, мессер Данте?

– Нет, знал, этого давно уже хотели и готовили там, где

каждый день продается Христос, – в логове древней Волчицы. За сына своего возлюбленного, Маленького Антихриста, она отомстила врагам его.

О, если б только с милыми разлука
Мне пламенем тоски неугасимой
Не пожирала тела на костях —
Благословил бы я мое изгнанье!

Каждый впрочем, получит свое: я буду гореть в огне временном, а папа – в вечном..

Медленно встает, зевая и потягиваясь так же, как некогда, в притоне Черного Кота, после ночи, проведенной с «девочкой».

– Ну, доброй ночи, друзья мои, мне пора домой.

Медленно уходит в вечерние сумерки, по темной аллее, где желтые листья шуршат у него под ногами.

– Странный человек! Кажется, у него здесь не все в порядке, – говорит *Орланди*, глядя вслед уходящему и показывая себе на лоб.

– Может быть. – соглашается *Пальмерию*. – Все поэты немного похожи на шутов или помешанных!

2

Ночью, в Апуанских Альпах, на побережье Лигурии, *запоздалый путник* с мулом, нагруженным нищенскою рухлядью, всходит по крутой тропинке и, остановившись у ворот Бенедиктинской обители, Санта-Кроче дэль Корво, стучится в калитку.

– Чего тебе? – спрашивает, открывая калитку, брат Иларий и, когда путник не отвечает, как будто не слышит, погруженный в задумчивость, – спрашивает снова:

– Чего тебе?

– Мира! Расе! – отвечает путник.

– Да кто ты такой?

– Данте Алигьери. Флорентиец.

– Сочинитель «Комедии»?

– Ну, это еще неизвестно, отец мой, будет ли сочинена «Комедия», или, вместе со мной, погибнет так же бесславно и бессмысленно. Я ведь человек вне закона, осужденный на смерть изгнанник.

– Милости просим, мессер Данте! Великая честь нашей смиренной обители принять такого высокого гостя. Брат Бернардо, снимай-ка поскорей поклажу с мула, да отведи его в конюшню.

Брат Иларий открывает ворота и, низко кланяясь, ведет гостя в трапезную, где усаживает на почетное место.

– Откуда, сын мой, и куда идешь?

– Сам не знаю, – куда глаза глядят... После того, как угодно было гражданам Флоренции изгнать меня, скитался я почти по всей Италии, бездомный и нищий, показывая, против воли, те раны судьбы, в которых люди часто обвиняют самих же раненых. Был я воистину ладьей без кормила и паруса, носимый по всем морям и пристаням иссушающею бурей бедности и был мне каждый новый кусок чужого хлеба все горше: каждой новой лестницы все круче ступени. И многие из тех, кто, может быть, судя по молве, считал меня иным, презирал не только меня самого, Но и все, что я уже сделал и мог бы еще сделать...

– А помнишь, сын мой, слово Господне: «Сила моя совершается в немощи»?⁵³ Может быть все эти муки изгнания даны тебе для того, чтобы узнать не только грешную немощь твою в настоящем, но и святую силу в будущем. Пусть жалкий суд иль сила рока цвет белый черным делает для мира, – пасть с добрыми в бою, хвалы достойно. О, если бы я был с тобой! С такою силой духа, как у тебя, за горькое твое изгнание, за все твои бесчисленные муки, я отдал бы счастливейший удел! «Блаженны изгнанные за правду»⁵⁴ – это о таких, как ты, сказано. Всех изгнанных за правду, бездомных и нищих скитальцев, всех презренных людьми и отверженных, всех настоящего града не имеющих, грядущего Града

⁵³ 2-е послание к Коринфянам св. Апостола Павла (XII 9).

⁵⁴ Евангелие от Матфея (V, 10).

ищущих,⁵⁵ вечным покровителем будет Данте Изгнанник.

⁵⁵ Послание к Евреям (XIII, 14).

XI. Данте в богадельне муз

1

В замке Веронского герцога, Кан Гранде дэлла Скала, ряд великолепных покоев, превращенных в богадельню для совавшихся сюда со всех концов Италии неудачных политиков, полководцев, проповедников, но больше всего для шутов-прихлебателей. Каждый покой украшен аллегорической живописью, соответственной судьбе своего обитателя: триумфальное шествие – для полководцев, земной рай – для проповедников, бог Меркурий – для художников, хор пляшущих Муз – для поэтов, богиня Надежды – для изгнанников. а на потолке самого большого покоя, где собираются все, в этой богадельне призренные, – вертящееся колесо богини Фортуны.⁵⁶

В комнате Муз поэт *Чино да Пистойя*,⁵⁷ чахоточного вида молодой человек, развязывает на полу тюки с нищенской рухлядью *Данте*.

⁵⁶ Меркурий – в римской мифологии бог торговли, отождествляющийся с Гермесом. Носил эпитет «счастливый». Фортуна – в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

⁵⁷ (ок. 1270/1275 – 1336 или 1337), друг Данте, поэт, юрист и политический деятель.

– Так-то, учитель, мы здесь и живем, как превращенные в свиней Улиссовы спутники, в хлеву Цирцеи,⁵⁸ или пауки в банке, – говорит *Чино*. – Ссорясь жестоко из-за милостей герцога, рвем друг у друга куски изо рта. Есть, может быть, среди нас и добрые и честные люди, но участь их горше всех остальных, потому что видят они, что герцогу умеют лучше всего угодить не они, а самые подлые, злые и распутные люди – особенно шуты, и те, кто зная и пользуясь этим, верховодят всем при дворе. Герцог человек большого ума и тонкий, по-своему, ценитель всего прекрасного, но имя его – *Cane Grande*. Пес Большой: этого забывать не надо, когда ему послали просьбу, учитель?

– Рано поутру, только что приехал. Но если б я знал, что меня здесь ожидает, то не послал бы вовсе.

Жди от него себе благоденствий.

сколько раз хотелось мне выкинуть из Святой Поэмы этот грешный стих,⁵⁹ как выкидывают сор из алтаря. Если же я этого не сделал, то, может быть, потому, что боялся, что меня самого выкинут, как сор, из этого последнего убежища. Но кажется иногда, что лучше умереть, подохнуть, как собака на большой дороге, чем протянуть руку за милостыней.

⁵⁸ Фрагмент «Одиссеи» Гомера.

⁵⁹ По преданию, Данте посвятил последнюю часть «Божественной комедии» Кан Гранде делла Скала.

Слишком хорошо я знаю, мой друг, цену моим благодетелям, чтобы каждый выкинутый ими кусок не останавливался у меня поперек горла, и чтобы я не глотал его с горчайшими слезами стыда.

Стыд заглушив, он руку протянул, Но каждая в нем жилка трепетала...

чувствовать, что висишь на волоске, и знать, что порвется ли этот волосок или выдержит, зависит от того, с какой ноги встанет поутру благодетель, с левой или с правой, и соглашаться на это, какая низость и какая усталость! Хочется иногда, чтобы порвался, наконец, волосок и дал упасть в пропасть, – только бы полежать, отдохнуть, хотя бы и со сломанными костями, там, на дне пропасти!

2

В башне замка, в высокой круглой комнате с узкими окнами-бойницами, секретарь герцога, горбун с умным и злым лицом, *Чэкко д'Анжольери*, полупоэт, полушут, читает вслух письмо Данте. Рыцарски-великодушным и очаровательно-любезным кажется *юный герцог* на первый взгляд, но, если пристально взглядеться в слишком ласковую улыбку и простодушные глаза его, то угадывается та необходимая, будто бы, в великом государе «помесь льва с лисицей» лютости с хитростью, чьим совершенным будет для Маккиавелли Цезарь Борджиа.⁶⁰

«Великолепному и победоносному Государю, Кан Гранде дэлла Скала, преданнейший слуга его, Данте Алигьери. Флорентиец по крови, но не по правам, долгого благоденствия и вечно растущей славы желает. Часто и долго искал я в том скудном и малом, что есть у меня, чего-либо вам приятного и достойного вас, и ничего не нашел, более соответственно вашему высокому духу, чем та высшая часть „Комедии“, которая озаглавлена „Рай“. Ныне и приношу ее вам, как малый дар, и посвящаю».

⁶⁰ Никколо Макиавелли (1469–1527), итальянский общественный деятель, мыслитель, историк. Чезаре Борджа (Борджиа), герцог Валентине, кардинал. Убийца собственного брата. Макиавелли восхищался его смелостью и решимостью в борьбе за объединение различных частей Апеннинского полуострова.

– Ну ладно, дальше можешь не читать. Видно по письму, что Данте человек умный, но скучный, один из тех ученых колпаков, с которыми нечего делать. А что в конце письма?

Просьба о деньгах. «Бедность внезапная, причиненная изгнанием, загнала меня, бесконного, безоружного, как хищная звериха, в логово свое, где я изо всех сил с нею борюсь, но все еще лютая держит меня в когтях своих. Но надеюсь на великолепную щедрость вашу, Государь, чтобы иметь возможность продолжать „Комедию“...» Это, ваше высочество, одна сторона монеты, а вот и другая.

Вынув из кармана небольшую книгу, «Пир»⁶¹ Данте, и, найдя заложенное место, *Анжольери* читает:

– «Много есть государей такой ослиной природы, что они приказывают противоположное тому, чего хотят, или хотят, чтоб их без приказаний слушались. Это не люди, а звери. О, низкие и презренные, грабящие вдов и сирот, чтобы задавать пиры, носить великолепные одежды и строить дворцы, думаете ли вы, что это щедрость? Нет, это все равно, что красть покров с алтаря и, сделав из него скатерть, приглашать к столу гостей, думая, что те ничего о вашем воровстве не узнают.

О, сколько есть таких, что мнят себя
Великими царями на земле
И будут здесь, в аду, валяться.

⁶¹ Небольшой философский незавершенный трактат (1311 или 1312 гг.), представляющий собой комментарий к трем канцонам Данте, написанный не латинским, а живым итальянским языком.

Как свиньи в грязной луже.
Презренную оставив память в мире!»

Ну, что ж, хорошо сказано!

– Да, недурно, но сегодня – об одном, а завтра – о другом. Есть у него оружие против человеческой низости – обличительный стих, которым выжигает он на лице ее, как раскаленным железом, неизгладимое клеймо. Но оружие это двуострое: иногда обращается и на него самого: слуги Генуэзского вельможи Бранка д'Ориа, оскорбленного стихами Данте, подстергши его, ночью, на улице, избили кулаками и палками до полусмерти. И сколько добрых людей, узнав, что он умер или убит, как собака, вздохнули бы с облегчением и сказали бы: «Собаке собачья смерть!»⁶²

⁶² «Ад». Песнь VIII, ст. 49–51.

3

В пиршественной палате, среди весело беседующих гостей и шутов, *Данте* сидит молча, угрюмый и одинокий. *Кан Гранде* велит потихоньку проворному мальчику-слуге, спрятавшись под стол, собрать все обглоданные кости с тарелок, в одну кучу, у ног *Данте*. И когда, сделав это, мальчик уходит, герцог велит убрать столы и, взглянув с притворным удивлением на кучу костей, говорит, смеясь:

– Вот какой наш Данте мясов пожиратель!

– Скольких костей вы не увидели бы тут, государь, будь я Псом Большим! – отвечает Данте. И восхищенный, будто бы, таким быстрым и острым ответом, герцог милостиво обнимает его и целует.

Когда гости выходят из палаты, *Данте*, отведя в сторону *Чино да Пистойя*, спрашивает его шепотом, с горькой усмешкой:

– Слышал, какой милости я удостоился?

– Слышал. Но это мог бы он сделать, кроме одного из двух: или, против тебя, обнять, или выгнать? Если же все-таки обнял, то может быть, потому что недостаточно презирает суд потомства, чтоб не бояться Дантова жгущего лбы каленого железа.

– Твоя правда, мой друг, – обнял так, что лучше бы выгнал!

Данте идет по улицам Вероны, в величественно-простой, Флорентийской тоге-лукке с прямыми, длинными складками, напоминающими древнеримскую тогу, из ткани такого же красно-черного цвета, как воздух Ада. Сгорбившись, как всегда, «под бременем тяжелых дум согбенный», и надвинув на лицо куколь так низко, что видны под ним только выдающаяся вперед нижняя челюсть, горбатый нос – орлиный клюв, да два глаза – два раскаленных угля, он проходит мимо ворот одного дома, у которого сидят Веронские *кумушки*.

– Вот человек, который сходит в ад и, возвращаясь оттуда, когда хочет, приносит людям вести о тех, кто там в аду! – говорит *одна из них*, помоложе.

– Правда твоя, – говорит *другая*, постарше. – Вон как лицо у него почернело от адского жара и копоти!

– С нами сила крестная! – шепчет *третья*, худая, длинная, как шест, и седая, как лунь, старуха. – Чур нас, чур! Не смотрите на него, родимые, – сглазит. У, колдун проклятый! Душу дьяволу продал, – оттого и сходит в ад... Видела я, своими глазами видела, как в женщин и детей он кидает камнями, когда говорят они о Гибеллинах и Гвельфах не так, как ему нравится. Мальчика одного наемни едва не зашиб до смерти.

Вдруг вскочив, грозит кулаком, машет клюкой и кричит

вслед уходящему:

– На костер, на костер, окаянного!

«Данте, находясь при дворе Кан Гранде, был сперва в большом почете, но затем, постепенно теряя милость его, начал, день ото дня, все меньше быть ему угодным. Были же при том дворе, как водится, всевозможные шуты и скоморохи, и один на них, бесстыднейший, заслужил непристойными словами и выходками великое уважение и милость у всех. Видя однажды, что Данте от этого страдает, мессер Кан позвал к себе того шута, и, осыпав его похвалами, сказал поэту:

– Я не могу надивиться тому, что этот человек, хотя и дурак, умел нам всем угодить, а ты, мудрец, этого сделать не мог...

– Если бы вы знали, ваше высочество, что сходство нравов и сродство душ есть основание дружбы, то вы этому не удивлялись бы!» – ответил Данте». ⁶³

– Что ты хочешь сказать? – спрашивает *герцог*. С тою ласковой улыбкой, от которой людям становится жутко.

– Я хочу... хочу... – начинает *Данте*, весь бледный, дрожащий, с искаженным лицом, и вдруг, лишившись чувств, падает на пол как мертвый.

– Что с ним, что с ним такое? Врача скорее! – кричит *герцог*.

Маленький, с большим носом, человек, *врач-иудей*, под-

⁶³ Боккаччо «Жизнь Данте».

ходит к *Данте*, наклоняется над ним и заглядывает ему в лицо.

Не извольте беспокоиться, ваше высочество, маленький припадок того, что древние называли «священной болезнью», а мы называем «падучей». Видно, в Ад не даром сходил: там, должно быть, немножко и сошел с ума. Это сейчас пройдет. Воды!

Данте проводит последнюю ночь, в палате поэтов, с хором пляшущих Муз в росписи на одной стене, и с богиней Надежды, на другой. Тщательно укладывается и увязывает в тюки нищенскую рухлядь. Очень устал. Чтобы отдохнуть, садится за стол и при тусклом свете нагоревшей свечи штопает дыру на правом локте последней приличной одежды, там, где легче всего протирается ткань от движения руки по столу, во время писания.

Кончив штопать, начинает связывать в пачки пожелтевшие листки «Комедии». Вдруг новый, белый листок, черновик недавнего письма к Веронскому герцогу выпадает из пачки.

... «Часто и долго искал я в том скудном и малом, что есть у меня, чего-либо приятного и достойного вас, и ничего не нашел более соответственного вашему высокому духу, чем та высшая часть „Комедии“, которая озаглавлена „Рай“. Ныне и приношу ее вам, как малый дар, и посвящаю»...

Это прочел и закрыл лицо руками, почувствовав в нем такую боль, как будто тем каленым железом, которым некогда клеймил он других, кто-то теперь его самого заклеимил.

Трепетное пламя догорающей свечи откидывает на стену и потолок огромную черную тень *Данте*, и, выйдя из нее, другая, чернейшая *Тень* подходит к столу и садится против

Данте. Вместе с последними вспышками пламени лицо *Тени* меняется: то увенчанное остролистным, как будто колючим и огненным, лавром, кажется под ним обожженным и окровавленным; то становится вдруг таким похожим на лицо *Данте*, всегдашнее, что, если бы он сам увидел эти два лица в зеркале, то не различил бы, где он настоящий, и где призрачный.

Что-то бормочет про себя чуть слышно; так же бормочет и *Тень*:

– Я не один, – нас двое, Я – в обоих... Кто это сказал, я или он, – я или ты?..

– Кто бы ни сказал, мой друг, это верно: есть Папа и Антипапа; есть Христос и Антихрист: есть Данте и Анти-Данте. Кто кидает камнями в детей? Кто обещал брату Альбериго, в аду, снять с глаз его ледяную кору и, обманув его, думал, что низость эта зачтется ему в благородство?⁶⁴ Кто говорит о любимой о Беатриче иной: «О, если бы она в кипящем масле, вопила так из-за меня, как я из-за нее!» Кто хочет не Единого в Двух, а Двух в Едином? Кто не может сделать выбора между Богом и дьяволом. Христом и Антихристом? Данте? Нет, Анти-Данте...

– Что это за чудо во мне, что за чудовище, и откуда оно? Или я уже не я? Или такая разница между мной и не мной? Но если так, то где же разум?.. – Разума нет есть безумие. Ты и здесь, в аду земном, также сходишь с ума, как там, в под-

⁶⁴ «Ад» (Песнь VIII, 44 и след.).

земном... «Псам не давайте святыни и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями». ⁶⁵ Хуже, чем псу, ты отдал святыню; бросил свой жемчуг хуже, чем свиньям, когда посвятил Кан Гранде, Псу Большому, Святой Поэмы часть святейшую, «Рай». Помнишь Иудину пропасть Джьюдекку, в последнем круге Ада, где в вечных льдах леденеют предатели? Там лежат они, скованные крепким льдом, и самый плач их плакать им мешает, затем что, прегражденных на глазах, уходит внутрь, усиливая муки? Помнишь, как инок Альбериго молил тебя:

О, протяни же руку поскорей,
Не медли же, открой, открой мне очи.
Чтоб хоть немного выплакать я мог
Теснящую мне сердце, муку, прежде,
Чем новые, в очах, застынут слезы!⁶⁶

Но ты ему глаз не открыл, ты его обманул. Как же не узнал ты, чьи глаза глянули на тебя сквозь ту наплаканную, ледяную глыбу слез? Чей голос молил тебя: «Открой мне очи»? Как в нем не узнал ты себя самого? Будешь и ты мучаться вечно, в Иудиной пропасти, где леденеют предатели, за то, что предал не другого, а себя самого и то, что тебе дороже, чем ты сам...

– Из преисподней вопию к Тебе, Господи! шепчет *Данте*

⁶⁵ Евангелие от Матфея (VII, 6).

⁶⁶ «Ад». Песнь XXXIII, ст. 112–114.

чуть слышно, а *Тень* повторяет внятно:

– «Из преисподней вопию к Тебе, Господи», – это ты хочешь сказать и не можешь: онемел, оледенел. – умер и ожил, и будешь вечно жить умирать, в вечных льдах!

ХII. В вечных льдах

1

В мрачном и диком ущельи Умбрии, на такой высоте Апеннин, что оттуда видны два моря. Адриатическое на востоке и Тирренское на западе. *Данте* и *Чино* да Пистойя сидят у святой обители Ди-Фонте-Авеллана, на голой обледенелой скале над пропастью.

В Италии, между двумя морями,
Близ родины возлюбленной твоей,
Возносятся Катрийские утесы
Так высоко, что гром гремит над ними.
Там есть обитель иноков святых,
Одной молитве преданных. Там жил
И я, в служеньи Богу; только соком
Олив питался, легко, бывало,
Переносил я летний зной и стужу
Суровых зим...
Блаженствуя в чистейшем созерцании.⁶⁷

В ясный зимний день, глядя с головокружительной вышки Катрийских утесов, где снег сверкает ослепительно, на туск-

⁶⁷ «Рай». Песнь XXI, ст. 106–117.

ло-багровое солнце, восходящее над непохожей ни на что земное, воздушно-зеленой полосой Адриатики и на протянувшуюся внизу, у самых ног его, как ожерелье исполинских жемчужин, голубовато-серую цепь Тосканских гор, *Данте* старается угадать невидимую между ними точку Флоренции.

– Вон, вон там, где Арно блестит между холмов Казентино, купол Марии даль Фиоре, как булабочная головка чуть виднеется, а рядом с ним, башня дворца Синьории, – указывает *Чино* на ту невидимую точку. – Их при тебе еще не было, ты их никогда не видал...

– И никогда не увижу! Никогда не исполнится то, на что я надеялся:

Коль суждено моей Священной Песне,
К которой приложили руку
Земля и Небо, – сколько лет хуюю.
Трудясь на ней! – коль суждено
Ей победить жестокость тех, кем изгнан.
Я из родной овчарни, где, ягненком,
Я спал когда-то... то вернусь в отчизну.
Уже с иным руном и с голосом иным,
Чтоб там же, где крещен я, быть венчанным.⁶⁸

Я знаю: смерть моя уже стоит в дверях, и, если б в чем-нибудь я был виновен, то уж давно искуплена вина, и мир давно могли бы дать мне люди... Слышал ты, мой друг, что я

⁶⁸ «Рай». Песнь XXV, ст. 1–9.

осужден, третьим приговором за то, что не хотел вернуться в отечество, согласившись на позорную милость вора́м, убийца́м и разбойника́м? Первым приговором осужден я на вечное изгнание, вторым – на сожжение, а третьим – на обезглавление... Так сына своего истребляет родина-мать огнем и железом... А все-таки, все-таки, нет для меня места на земле любезнее Флоренции, и больше всех людей я жалею тех несчастных, кто, томясь в изгнании, видит отечество свое только во сне...

Долго молчал, как будто забыв, что *Чино* с ним, смотрит на почти невидимую точку Флоренции.

– О, народ мой, что я тебе сделал? – шепчет чуть слышно, и слезы текут по лицу его, такие тихие, что он их не чувствует. Чудны и страшны эти слезы так, как если бы растаяли бы вдруг, под внешним солнцем, вечные, никогда от начала мира не таявшие льды.

2

Очень крутою, как будто прямо к небу идущей, тропой для мулов, *Данте* и *Чино* подходят к постоялому двору, на горном перевале из Урбино в Романью.

– Это и есть, что ли, первый двор? – спрашивает *Данте*.

– Он самый, – отвечает нехотя *погонщик*, ударяя палкой мула и покрикивая: «Арри! Арри!»

– Скоро, значит, будет и второй. Что же ты остановился, братец? Ступай! До второго двора уже недалеко. Мы тебе хорошо на водку дадим. Ступай же!

– Нет, мессере, воля ваша, дальше я не пойду. Вон как в поле закрутило, – будет выюга, а тут кручи да ямы такие, что костей не соберешь. И скотина ваша дохлая, кожа да кости. Да и чем вам тут не гостиница? Вишь, как свининой жареной пахнет, и водка тут дешева и девки податливы, какого вам еще рожна?

– Сказано тебе, дурак, место это не наше: Гвельфами тут набито, а мы Гибеллины.⁶⁹

– Мало ли что! Гвельфское-то мясо, да Гибеллиновское, на волчий вкус, одинаково. Коли волки не сожрут, так в сугробе замерзнете. Если вам жизнь надоела, ступайте с Богом,

⁶⁹ Политические группировки, существовавшие в Италии в XII–XV веках. Гвельфы – сторонники римских пап, гибеллины – сторонники германских императоров. Род Данте традиционно являлся сторонником гвельфов.

а я не пойду!

– Ну, видно, каши с дураком не сварить! Пусть остается здесь, а мы с тобою, *Чино*, одни доберемся... Или вот что: ты заночуй здесь, мой друг, а я пойду один, – завтра нагонишь...

– Что вы, учитель, трусом меня считаете и подлецом, что ли? Нет, я вас не покину: вместе начали путь, вместе и закончим!

Взяв у погонщика палку, *Чино* погоняет мула и покрикивает:

– Арри! Арри!

Данте сначала идет молча; потом, как будто опять забыв, что с ним *Чино*, говорит тихо, про себя:

– Знамение положил Господь на Каина, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.⁷⁰ Но хуже Каиновой – печать на изгнанниках: каждый встречный может их убить... Каиновым проклятьем гонимый, не могу и я остановиться, иду все дальше и дальше, пока не упаду в могилу...

Наступают сумерки. Подымается вьюга. Там, где снег, на дороге сдунут ветром, – такая гололедица, что мул скользит и падает. Вдруг, один из тюков, сорвавшись с него на крутом повороте летит в пропасть.

– Данте, Данте! «Комедия!» – кричит в ужасе *Чино*, кидаюсь к мулу.

– Нет, ничего, только тюк с заношенным платьем, я и сам его сбросить хотел.

⁷⁰ Бытие (IV, 15).

Быстро темнеет. В снежном сугробе кончилась тропа.

– Плохо дело, мой друг, – говорит Данте, остановившись. – Ни вперед, ни назад, – заблудились. Кажется, прав был погонщик: либо замерзнем, либо волки съедят...

По ветру слышится далекий лай или вой.

– Что это? Слышишь? Волки?

– Нет, собаки. Близко, должно быть, жильё. Вот и дымком потянуло. Ну, слава Богу, спасены!

Волчьим глазом краснеет сквозь черно-белую, веющую мглу огонек. Идучи на него, доходят до пещеры, где *пастухи* сидят вокруг большого костра. Овцы, стеснившись в кучу, спят в глубине пещеры, и две только что усмиренные овчарки ложатся, тихо рыча и скаля клыки на чужих людей.

– Добро пожаловать гости дорогие! – ласково встречает их величавый *старик* с длинной белой бородой и загнутым на конце пастушьим посохом. – Хлебом-солью нашими не побрезгайте, милые!

Пастухи наперерыв угощают их и потом укладывают спать на лучшее место, поближе к огню.

3

Ясное зимнее утро. Солнце восходит, и на темно-лиловом, безоблачном небе рдеют, как бы изнутри освещенные, снежные вершины гор.

Данте и *Чино* продолжают путь. Подойдя к самому краю зияющей пропасти *Данте* наклоняется над ней, долго, молча смотрит в нее и опять, как будто забыв о спутнике, говорит тихо про себя:

– В пропасти кидается Вечный Жид, Агасфер,⁷¹ – ищет смерти, но не находит: сломанные в падении срastaются, и он продолжает свой путь бесконечный. В пропасти я не кидаясь, а падаю двух миров вечный страдник. Агасфер; тот мир для меня все действительней, этот – все призрачней, все легче падения, но мучительней в костях ломаемых и срastaющихся боль бесконечной усталости...

⁷¹ Еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь и вечные скитания за то, что не дал Христу отдохнуть по пути на Голгофу.

Ночью, в дрянной гостинице, развязав с трудом, окочевшими от холода, пальцами, шнурки кошелька. *Данте* высыпает деньги на стол и, пересчитав, говорит:

– Дней на десять хватит, а после что?..

– Есть у меня еще десять флоринов, учитель, в подкладке зашиты..

– Нет, мой друг, тебе самому деньги нужны, довольно я на твой счет жил. Да и не нее ли равно, десять дней или двадцать. Скоро у обоих ни гроша не будет, – что тогда? Милостыни просить уже не у владетельных князей, а у прохожих на улице? Надо для этого быть великим святым, новым Франциском Ассизским. Полно, не проще ли спрятаться где-нибудь в кустах, лечь на дне оврага, и покорно ждать смерти, как ждет ее свалившийся под непосильную ношею злым и глупым погонщиком мул? Прежде я боялся бессмысленной и бесславной смерти под ножом разбойника или одного из бесчисленных Гвельфских врагов моих, который пожелал бы исполнить приговор Флорентийской Коммуны над «врагом отечества»; прежде этого боялся я, а теперь хочу, как скорого избавления от мук... Помнишь, мы с тобой намереди говорили о самоубийстве Катона?⁷²

⁷² Катон Марк Порций (95–46 до н. э.), получивший прозвище Утический или Младший. Противник Цезаря. Яростный противник единовластия, побор-

– Нет, учитель, не помню, мы об этом никогда не говорили.

– Правда? Не шутишь? Ну, так значит, это был не ты, а он...

– Кто он?

– Тот, Другой. – Анти-Данте... «Вечно будет людям памятна жертва несказанная суровейшего подвижника свободы, самоубийцы Катона: чтобы в мире зажечь любовь к свободе, он лучше хотел умереть, чем жить рабом...» Это не я говорю, а Он. – «Самоубийство – предательство, низость из низостей, подлость из подлостей» – это я говорю. Кто же прав, мой друг, я или Он?

– Ты. Лучше нельзя сказать!

– Так оно и есть, – должно быть так... А все-таки, все-таки и мужественнейших из людей соблазняет иногда мысль об остро отточенной бритве или скользко намыленной петле – конце всех мук... Слишком хорошо я знаю, что начатое во времени продолжится в вечности, чтобы на этой мысли останавливаться больше, чем миг. Но и мига довольно, чтобы осквернилась им душа, как тело – проползшей по нему ядовитую гадиной...

– Часто он к тебе приходит?

– Нет, дважды приходил в первый раз, в ту последнюю, проклятую ночь, в богадельне Пса Большого, а потом здесь,

ник республики как государственной формы правления. Имя Катона и его жены Марции упоминается в ст. 127–128 Песни IV «Ада».

в пути. Сказывал, что еще в третий раз придет, в последний: тогда, мол, и решится, уже не на словах, а на деле, кто прав, я или Он. Вот я и жду, когда придет...

Сильный стук в дверь. *Чино* вскакивает, весь дрожа и бледнея.

– Что ты испугался, глупенький? – смеется *Данте*. – Думаешь, – Он? Нет, еще не Он, – слишком рано... Кто там?

– К вашей милости, мессер Данте, от его высочества, государя Равенны, Гвидо да Полента,⁷³ гонец с письмом.

– Проси!

– Вот, на ваш вопрос, учитель, – ответ уже не Другого, а Его. Его самого! – говорит *Чино*, крестясь.

Маленькое замерзшее оконце сначала от рассвета синее, а потом, когда входит гонец, бывший Флорентийский, нынешний Равеннский нотариус, *Пьеро да Джуардино*, – первый луч озаряет лицо *Данте*. *Пьеро*, взглянув на него, останавливается, как будто не узнает его, – так постарел, похудел, а потом, вдруг узнав, кидается к нему на шею.

– Ты из Равенны, мой друг? – спрашивает *Данте*.

– Да, с письмом к тебе от государя.

Подает ему пергаментный свиток с подвешенной и нему на нитке красного шелка золотой печатью.

– Вот прочти – увидишь, что кончились все твои бедствия и что вернет тебе Равенна то, что отняла Флоренция, – веч-

⁷³ Владелец Равенны и Червии, отец Франчески да Римини. Под покровительством Гвидо да Полента Данте прожил в Равенне с 1318 по 1321 гг.

ный мир!

Взяв письмо, *Данте* отходит к окну.

Белые цветы мороза на нем розовеют от солнца, как будто теплую кровью наливаются. *Данте* крестится и, не распечатывая письма, долго, молча смотрит сквозь слезы на светлое небо, где горит Звезда Любви.

ХІІІ. Свет алебастровых окон

1

В очень простой, почти бедной, палате Равеннского дворца, мессер *Гвидо да Полента*, окруженный придворными дамами и рыцарями, сидит в высоком кресле, под зеленым шелковым пологом, шитым золотыми орлами рыцарского герба да Полента.

Данте, подойдя к нему, хочет стать на колени, но тот, поспешно наклонившись, подымает его и, крепко обняв, целует.

– Добро пожаловать, мой друг! – говорит так же просто и ласково, как намедни тот величайший старик-пастух, в пещере. – Вот счастливейший день жизни моей! Мне говорить не нужно, – ты сам знаешь, или узнаешь скоро, что не я тебе оказываю честь и милость, приглашая жить у меня, а ты – мне, соглашаясь на это, потому что поэты – цари, больше всех царей земных.

– Знаю, государь, что благодарить не нужно. Вечною славой твоей будет не то, что ты спас поэта, а то, что человек спас человека, брат – брата, когда на крик погибающего: «Есть ли в мире живая душа?» ты один ответил: «Есть!» Я был, как тот путник на большой дороге, попавшийся разбой-

никам, которые сняли с него одежду, изранили и ушли оставив едва живого, лучшие же люди дней моих были подобны тому левиту и священнику, которые прошли мимо него,⁷⁴ о милостивый Самарянин – ты, государь После Той, Которой я назвать не смею, потому что имя Ее для меня слишком свято, сделал для меня добро величайшее – ты. Душу мою спасла Она, а ты – тело, но ведь иногда и тело стоит души: надо его спасти, чтоб не погибла душа.

– А знаешь, Данте, кто мне про тебя напомнил?

– Кто, государь?

– Та, чья кровь течет в жилах моих, чей отец был братом моего отца, и чья память для нас обоих священна, – Франческа да Римини.

О, милая, родная нам душа...

Владыку мира, будь Он нашим другом, —

Молили б мы дать мир тебе за то,

Что пожалел ты нас в великой скорби!⁷⁵

Эта молитва будет исполнена: не я, а Франческа да Римини, даст родной душе Данте, в своей родной земле, вечный мир!

⁷⁴ Сюжет из Евангелия от Луки (X, 30–33).

⁷⁵ Цитируются стихи 88–93 песни 5 «Ада». О Франческе и Паоло Данте упоминает в ст. 73–75 Песни V «Ада».

2

Данте с Пьетро да Джусурдино и Чино да Пистойя входит в маленький Равеннский домик.

– Только одного желал я всегда – тени, тишины и покоя, – говорит Данте, подойдя к окну и глядя на соседнюю ветхую церковь св. Франциска Ассизского в кипарисовой роще, откуда не видно, но угадывается море по светлой широте и пустынности неба. – Этого искал я везде, всю жизнь, за и вот, только здесь, в Равенне, нашел. О, какой сладчайший отдых для усталого странника войти в свой дом и знать, что можно в нем жить и умереть! Какое блаженство не чувствовать горькой соли чужого хлеба и крутизны лестниц чужих; лечь в постель и знать, что злая Забота не будит до света петушиным криком на ухо, не стащит одеяла не подымет сонного и не погонит снова, как Вечного Жида, с горки на горку, из ямки в ямку, ломать и сращивать кости!

В древней Византийской базилике св. Василия, где искрятся на стенах и сводах мозаики, как живопись из драгоценных камней по золотому полю, – солнечный свет, проникающий сквозь прозрачно тонкие, в окнах, дощечки алебастра, золотисто-желтый и теплый, как мед на солнце, не дробимый в лучи и теней не кидающий, ни на что земное непохожий: это свет как бы нездешнего Солнца-Агнца: *не будет иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном... ибо*

светильник их – Агнец. (Откр. 22, 5; 21, 23).

Маленький, сгорбленный, седой *старичок* (*Данте* узнала ли бы в нем не только Джемма, но и сама Беатриче?), стоя на коленях, между исполинскими столпами такого же, как тот невиданный свет, золотисто-желтого мрамора, главным сводом над жертвенником, поднял глаза к изображенному в круглой мозаике, на самом верху свода, таинственному, от создания мира закланному Агнцу, и светлые тихие слезы льются по лицу старичка.

– Понял я только теперь, Господи, какое чудо Божественного Промысла надо мной совершилось – шепчет *Данте*. – Только теперь понял я, что значит:

Пить мучеников сладкую полынь...⁷⁶

Горькие травы пчелам нужны для того, чтобы, извлечь из них сладчайший мед: так и мне нужны были все муки мои, чтобы извлечь из них сладость Божественной Песни. Только теперь, греясь в теплоте Солнца-Агнца, как на утреннем солнце греется, окованная от ночного заморозка пчела, оттаяло наконец, сердце мое, леденевшее столько лет, в вечных ладах. И только теперь, в этом невиданном Свете, я увидел Рай.

... Таков был этот Свет,

⁷⁶ «Чистилище». Песнь XXIII, ст. 86.

Что, если б от него отвел я очи,
То слепотою был бы поражен...
Но выполнить его я мог тем легче,
Чем дольше на него смотрел. О, Благодать
Неисчерпаемая, ты дала
Мне силу так вперить мой взор в тот Свет,
Что до конца исполнилось виденье Рая!⁷⁷

⁷⁷ Цитируется «Рай». Песнь XXXIII, ст.76–84.

4

Около Равенны, верст на тридцать, тянется по берегу моря вековой сосновый бор, Пинета, чьи исполинские сосны – правнучки тех, из которых Август,⁷⁸ строил корабли для Равеннской гавани, Киассиса (Ciassis-Chiassi).

«В этом лесу Данте часто бродил, одинокий и задумчивый, слушая, как ветер в соснах шумит». Шуму сосен, такому ровному, даже во время сильного ветра, что не испуганные им птицы продолжают путь, отвечает далекий и такой же ровный шум Адриатических волн, как всем голосам человеческим, во времени, отвечает Глас Божий, в вечности. Птицы поют, пчелы жужжат, журчат воды, благоухают цветы так сладко в этом лесу, что он сделался для Данте прообразом того «Божественного Леса», *foresta divina*, который неувядаемо цветет на вершине «святой Горы Очищения»:⁷⁹

И слышал я в листве деревьев райских...
Как бы далекий гул колоколов,
Такой же точно, как в бору сосновом,
На берегу Киасси, в час ночной,
Когда сирокко знойный дует с моря.⁸⁰

⁷⁸ Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (27 г. до н. э. – 14 г.). римский император.

⁷⁹ «Чистилище».

⁸⁰ «Чистилище». Песнь XXVIII, ст. 19–21.

В летний вечер *Данте* беседует в Пинете с юным Равеннским учеником своим, *Менчино да Меццани*.

– Помнишь, мой друг, что в Откровении сказано: «Ангел, стоящий на море и на земле... клялся Живущим во веки веков, что времени больше не будет»?⁸¹ Клятва эта здесь, в Равенне, уже исполнилась. Веющие здесь надо мной, вечные тени прошлого, от Цезаря до Юстиниана,⁸² суть вечные знамения будущего. Равенна – посредница между Востоком и Западом, пророчица грядущего соединения их в той новой всемирности, которую возвестил я людям. Здесь родилось и умерло и ждет своего Воскресения то, что я любил на земле и во что я верил больше всего: Рим – бывшая Сила, будущая Любовь, Roma-Amor.

Любовь, что движет солнце и другие звезды, это последний стих «Комедии». Двадцать лет длилось видение – Ад, Чистилище, Рай. И вот теперь, когда я от этого видения проснулся, с неба на землю сошел, – я продолжаю жить на земле, – зачем, – я сам не знаю. Но кажется иногда, что кончена песнь – кончена жизнь, и чем скорее вернусь я туда, на родину, тем лучше. О, если бы я мог сказать: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, с миром!»⁸³

⁸¹ Откровение св. Иоанна Богослова (X, 5–6).

⁸² Цезарь Гай Юлий (100 — 44 до н. э.) – римский государственный и политический деятель, полководец, писатель; Юстиниан I (Цезарь Флавий), (482–565) – римский император с 527 г.

⁸³ Евангелие от Луки (II, 29).

Солнце заходит; слышится далекий колокол Ave Maria. В темных вересках вспыхивает красный цветок. Как живое пламя – живая кровь.

На что он похож, на что он похож? – шепчет *Данте*. Ах, да, на Сан-Мартиновой площади, в темной щели между камнями башни дэлла Кастанья, красный цветок.

Белая Роза, алая Кровь:

Солнце на небе в сердце любовь...

– Ступай вперед, Менчино, я за тобой сейчас...

Когда *Менчино* уходит, *Данте*, слушая далекий колокол, шепчет:

Был час, когда пловец душой стремится
К родной земле, где, в горький миг разлуки,
Сказал он всем, кого любил: «Прости!»
Был час, когда паломника любви
Волнует грустью колокол далекий.
Как будто плачущий над смертью дня.⁸⁴

Этот час и для меня наступает, но сердце мое над смертью временного дня уже не плачет, а рождению незакатного радуется... Тихим светом горит в душе моей мысль о Тебе, о Тебе одной, как в вечернем небе Звезда Любви...

Глядя на темнеющее небо, где горит Звезда все ярче, все

⁸⁴ «Чистилище». Песнь VIII, ст. 1–7.

огромнее, *Данте* становится на колени и молится:

– О, Беатриче, ты моя надежда; ты для моего спасения в ад сошла, ты сделала меня, раба, свободным! Освободи же до конца, чтоб дух от смертной плоти разрешенный, к Тебе вознесся.

XX. Смерть Данте

1

В той же палате дворца, где, года четыре назад, *Гвидо да Полента* в первый раз увидел *Данте*, беседуют они наедине.

Есть у меня к тебе большая просьба, мой друг, но если ты не захочешь исполнить ее – обещай, что откажешь и что мы останемся такими же друзьями, как были...

– Нет, государь, этого я не обещаю, но какова бы ни была просьба твоя, – если только могу, – исполню.

– Кроме тебя, не мог бы ее исполнить никто. Слушай же. Дней десять назад произошло событие ничтожное, но которое может быть для нас всех роковым: глупая ссора и драка пьяных корабельщиков на двух судах, Равеннском, и Венецианском. В драке убит был капитан их корабля с несколькими матросами, и корабль их захвачен Равеннцами в плен. Этого достаточно, чтобы нарушить мир между нами и Венецией. Более грозной опасности никогда еще не подвергалась Равенна: каждого из соединившихся против нее союзников будет довольно, чтоб ее уничтожить, потому что земли наши отовсюду окружены брагами: с устья По и с моря нам грозит

Венецианский Флот, а с суши – войска Орделаффи⁸⁵ и Малатесты.⁸⁶

Нет для нас другого спасения, кроме искусных переговоров о мире, и лучше твоего никто их не мог бы вести. Будь же нашим послом, поезжай в Венецию и мир заключи...

– О, как бы я был счастлив, государь, если бы мог оплатить миром за найденный в вашей земле мир! Но прежде чем решить, можно вас об одном спросить?

– О чем?

– Сколько есть у вас Для этого дела белее достойный и опытных людей, чем я? Почему же вы избрали меня, человека вне закона, осужденного на смерть, изгнанника?

– Потому что больше славы я не хочу для себя, чем, чтобы в грядущих веках люди сказали: «Данте Алигьери, когда жил у Гвидо Полента, совершил великий подвиг любви – отвратил людей, хоть раз, от проклятого дела воины к святому делу мира!»

– О, если бы знали все, как знаете вы, государь, что единственная цель всего, что я хотел и не мог сделать, только в этом одном святейшем для меня, из всех слов человеческих: Мир!

⁸⁵ Орделаффи Антонио – синьор Форми.

⁸⁶ Малатеста III, мессер, противник Гвидо да Полента, отец мужа Франчески да Римини, синьор Римини, Пезаро и Фано.

2

Данте и спутники его, возвращаясь из Венеции в Равенну, плывут в гондоле по Венецианским лагунам, вдоль песчаных отмелей Маламокко и Палестрины до Киоджии.

– Ну, что же, учитель, война или мир? – Спрашивает *Пьетро да Джуардино*.

Кажется, мир, хотя это дело оказалось труднее, чем думал государь, и думали мы все... О, как бы я был счастлив, если бы это величайшее и святейшее из дел человеческих – мир, был моим последним делом на земле! – Почему последним?

– Не знаю... Может быть, потому, что мне, хотелось бы... Да нет, не надо говорить об этом, – лучше Делать молча...

Путники едут из Киоджии, на конях и мулах, до местечка Лорето, где ночуют.

На следующий день переправляются через устье По со многими рукавами, на больших, плоских, огражденных перилами лощанниках, где помещается не только множество пеших и конных, но и целые, запряженные волами, телеги.

Так доезжают до Бенедиктинской обители, Помпозы, чьи великолепные, многоцветными изразцами украшенные колокольни возвышаются над цветущими садами и рощами, служащими для иноков неверной защитой от убийственных лихорадок соседних болот.

Путь третьего дня идет по узкому перешейку, отделяю-

щему Адриатическое море от бесконечных Комакийских лагун и болот, где первые, только, что выпавшие, августовские дожди увлажнили и размягчили жесткий, высушенный летним зноем, растрескавшийся черный ил. Тускло-багровое. без лучей, солнце опускается в море, как раскаленный докрасна, чугунный шар. В воздухе от поднимающихся над болотом густых испарений – сине, как от дыма. Тихим звоном звенят на ухо путников тучи разносящих заразу болотной лихорадки, почти невидимых, прозрачно-зеленых комаров – зензан.

– Хуже здешних мест нет нигде, особенно после первых осенних дождей, – говорит *Федуччио Милотти*, врач. – «Первый дождь – к смерти вождь», сказывают здешние жители. Тут и зверь не живет, и птица не летает, от «злого воздуха», *malagiá*... Помнишь, Данте, как у тебя, в Аду, об этом сказано:

Как человек, в болотной лихорадке,
Трясется весь, в предчувствии озноба,
И ноги у него уже синеют,
Едва вдали сырую тень завидит...

Данте кутается в темный плащ.

– Что ты, мой друг, уж не знобит ли?

– Нет, ничего... Скоро будем в Равенне?

– К ночи.

Вдруг, остановив мула, вынимает *Милотти* из мешка по-

ходную фляжку, наливает в чарку вина и подает *Данте*.

– Пей, согреешься, а на ночь дам потогонного, да крови змеиной два грана, да единорожьего рога два с четвертью, и завтра, Бог даст, встанешь как встрепанный. . .

Последняя часть пути до Равенны идет, на несколько верст, сосновым бором, Пинетой. Снова видит *Данте* «Божественный Лес», *divina foresta*, подобие Земного Рая на святой Горе Очищения. Но слишком сладко поют в нем птицы, жужжат пчелы, журчат воды, благоухают цветы, слишком торжественно отвечает протяжному гулу сосен далекий шум Адриатических волн, как всем голосам человеческим, во времени, отвечает Глас Божий, из вечности: *Данте* чувствует, что смертельная отравка «злого воздуха», *malariá*, уже течет в его крови.

3

В самый глухой час ночи, когда в доме все уже спят, *Данте* остается наедине с дочерью, *Антонией*, послушницей Равеннского монастыря св. Уливы, будущей монахиней, сестрой Беатриче. *Дочь* укладывает его в постель и готовит ему на ночь питье.

– Весь как в огне, – говорит, пощупав ему рукою лоб. – Батюшка, ты очень болен, я пошлю за мессером Фидуччио...

– Нет, завтра пошлешь, я хочу спать, ступай... Никому не говори, что болен, – никому, слышишь?

– Батюшка, миленький, позвольте остаться! Я только здесь, в уголку, прикорну, мешать вам не буду...

– Нет, ступай! Вон как со мной измучилась, бедная, лица на тебе нет... Ступай же, ступай, что же ты стоишь?

Дочь идет к двери.

– Стой, погоди! Вот здесь, под подушкой, ключ. Нашла? Там, в углу, железный ларец. Отопри. Пачка листов, на самом дне, красным шелком перевязана. Нашла? Давай сюда, сунь под подушку, вот так...

– Что это, батюшка?

– Все равно, что. Никому не говори. Последние тринадцать Песен «Рая». Надо кое-что поправить завтра. Что еще я хотел, погоди... Нет, ничего. Ступай!

Долго молча лежит, с закрытыми глазами и неподвижным,

точно каменным, лицом. *Дочь* смотрит на него и тихо плачет.

– Ох, опять эта жижка проклятая! – шепчет он быстро и невнятно, как в бреду. – Вертится, вертится, трещит: «Три – Три – Три...» Знаешь, сестра моя, Беатриче, что такое Три? Отец, Сын и Дух Святой, твое Число Божественное, – Три...

Вдруг открывает глаза и смотрит на нее, как будто не узнает:

– Ты? Опять ты?.. Что ж ты стоишь? Ступай же! Ступай! Ступай! – кричит и плачет злобно, как маленький ребенок.

Дочь уходит. *Данте*, оставшись один, опять долго лежит с неподвижным лицом и закрытыми глазами. Потом вдруг открывает их и, пристально глядя на распятие, висящее на стене, против изголовья постели, шепчет все быстрее, невнятнее:

О, Юпитер,

За нас распятый на земле, ужели

Ты отвратил от нас святые очи?⁸⁷

Кто от кого отвратил. – Ты от нас. Или мы от тебя? Точно какая-то черная тень легла между Тобой и нами; точно обидел Ты нас какой-то нездешней обидой, какой-то Горечью неземной огорчив, Не потому ли и Духа назвал Ты сам «Утешителем», как будто знал, что чем-то огорчишь людей, от чего надо будет их утешить Духу? «Отступи от меня, чтоб

⁸⁷ «Чистилище», Песни V, II, С. 8 – 120.

я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня!»⁸⁸ Точно между Тобой и мной было всю жизнь то же, что в начале жизни, между Мной и Ею. Возлюбленной, когда Она отказала мне в блаженстве приветствия, и я почувствовал такую скорбь, что, уйдя от людей туда, где никто не мог меня видеть и слышать, я начал плакать и, плача, уснул, как маленький прибитый мальчик... Не наяву, когда я о Тебе думаю, а во сне, когда я мучаюсь Тобой, кто кого разлюбил, я – Тебя, или Ты – меня!»

– А знаешь, что умрешь?

– Кто это сказал, я или Он... или ты?..

– Кто бы ни сказал, мой друг, так оно и есть. Знаешь ли: что ты – великий грешник? Помнишь, как в Раю, ты отвернул глаза от Солнца – Лика Христова, и только в Ее Лицо смотрел? Помнишь, как Она сама тебе сказала:

Зачем ты так влюблен в мое лицо,
Что и смотреть не хочешь на прекрасный
В лучах Христа цветущий Божий Сад?⁸⁹

Вечно-памятное для тебя видение – Она, а Он – видение забытое. Солнце Ее – Ее улыбкой – затмилось для тебя Солнце Христа. Ближе тебе Она, нужнее, чем Он. Ты Его не знаешь, не видишь, потому что меньше любишь Его, чем Ее.

⁸⁸ Псалтирь (Пс. 38, 14).

⁸⁹ «Чистилище», XXIII, ст. 19–20.

Тварь вместо Творца, смертная вместо Бессмертного, – вот твой грех. Знаешь, что надо сделать, чтоб грех искупить?

– Знаю.

– Сделаешь?

– Если и сделаю, то без тебя, против тебя!

– Нет, со мной. Я пришел тебя спасти. Знаешь, что в последних тринадцати песнях «Рая» твой грех? Знаешь, что надо сделать, чтобы его искупить?

– Молчи, уйди, уйди! Именем Ее заклинаю, уйди!

– Именем Ее, а не Его?.. Я уйду, а ты решай, хочешь ли душу твою спасти ради себя, или ради Него погубить...

Данте открывает глаза и, глядя на распятие, долго лежит неподвижно каменным, точно мертвым лицом. Потом, вынув из-под подушек ключ и тринадцать пачек листков, перевязанных красным шелком, встает с постели, весь дрожа от озноба так, что зуб на зуб не попадает, подходит к ларцу, отпирает его, вынимает глиняный горшочек с известью, малярную кисть, молоток с гвоздями и камышовую циновку *stuoia*. Медленно, с трудом, как будто подымая невероятную тяжесть подвешенный к шее мельничный жернов, подходит к «оконцу» или «печурке» в стене, *finestretta*, для рукописи и книг, кладет туда пачки листков, закрывает циновкой, прибивает ее гвоздями к стене, забеливает известью так ровно, что ничего не видно, снова ложится в постель и, глядя на распятие, шепчет:

– «Господь Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться:

Он покоит меня на злачных пажитях и водит к водам тихим.
Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и твой посох, они успокаивают меня»... (Пс... 24, 1–4).

4

В 1321-ом году, в ночь с 13-го сентября на 14-ое, день Воздвижения Креста Господня и поминовения крестных язв св. Франциска Ассизского, государь Равенны, *Гвидо да Полента, сыновья Данте, Пьетро и Джьякопо*,⁹⁰ дочь его, *Антония*, ученики и друзья собрались в комнате умирающего *Данте*. Инок Францисканской обители читает отходную таким уныло-однозвучным голосом, как жужжание болотных комаров зензан.

Данте, уже причастившись, лежит на постели, в длинной, темно-коричневой грубого войлока, подпоясанной веревкой, монашеской рясе нищих братьев св. Франциска. Руки сложил крестом на груди и закрыл глаза, с таким неподвижно-каменным лицом, что смотрящие на него не знают, жив он или умер.

– Кончился? – спрашивает *государь* шепотом на ухо врача.

Нет, еще дышит, отвечает тот, приложив ухо к груди умирающего.

Данте вдруг широко открывает глаза и произносит громким внятным голосом:

⁹⁰ Пьетро и Джьякопо – сыновья Данте, поэты, комментаторы произведений отца.

О clemens, o pia,
О dulcis Virgo Maria!

Верую в Три Лица Вечные, Отца и сына и Духа Святого.
Три – Три – Три!

Тело его то пылает в жару, как в вечном огне, то леденеет в ознобе, как в вечных льдах. Но больше, чем тело, страдает душа: все еще не знает он, надо ли было делать то, что он сделал, или не надо; спас ли он душу свою, погубив ее ради Того, Кто велел погубить, или, спасая ради себя, погубил?

Бело-белое, в черно-красной мгле, пятно стоит перед его глазами, и он знает, что будет вечно стоять, никогда не уйдет. Все не может понять, что это; может быть, забеленное оконце в стене? Нет, что-то другое, неизвестное. Вдруг понял: белое, ледяное и огненное вместе, леденящее и жгущее, есть вечная мука ада вечная смерть. Но только что он это понял, как услышал тихие, знакомые шаги, и на ухо шепнул ему знакомый, тихий голос.

– Не узнаешь? Смотри, смотри же: это я, я, Беатриче!

И *он* увидел наяву то, что некогда видел во сне, в видении:

Она явилась мне... в покрове белом
На ризе алой, как живое пламя.
И после стольких, стольких лет разлуки,
В которые отвыкла умирать,
Душа моя в блаженстве перед Нею,
Я, прежде чем Ее мои глаза

Увидели, уже по тайной силе,
Что исходила от Нее, узнал,
Какую все еще имеет власть
Моя любовь к ней, древняя, как мир.
И тою же опять нездешней силой
Я потрясен был и теперь, как в детстве,
Когда Ее увидел в первый раз.⁹¹

Тихо уста припали к устам, и этот первый поцелуй любви был тем, что казалось людям смертью *Данте*, а для него самого было вечною жизнью – Раем.

⁹¹ «Чистилище». Песнь XXX, ст. 31–42.

Месяцев через восемь по смерти Данте, после бесконечных поисков пропавших песен «Рая», когда перестали их искать, думая, что они безнадежно потеряны, или даже вовсе не написаны, и когда сыновья *Данте*, *Джъякопо* и *Пьетро*, начали, с «глупейшим самомнением», присочинять от себя эти песни, *Данте* явился *Джъякопо* во сне, «облаченный» в одежды белейшего цвета и с лицом, осиянным нездешним светом».

Ты жив, отец? – спросил его *Джъякопо*.

– Жив, но истинной жизнью, – не вашей, – ответил *Данте*.

– Кончил ли «Рай»?

Кончил, и взяв его за руку, он повел его в ту комнату, где спал живой и умер; прикоснулся рукой к стене и сказал:

– Здесь то, чего вы искали.

Спящий проснулся. Час был предутренний, но еще темно на дворе. Встав поспешно и выйдя из дому, *Джъякопо* бежит к мессеру *Пьетро Джюардино* и рассказывает ему о чудесном видении. Тотчас же оба спешат в дом, где жил *Данте*, находят указанное на стене место, нащупывают прибитую к нему циновку и, потихоньку отодрав ее, видят никому не известное «оконце», где лежит пачка листков.

– Что это? спрашивает *Пьетро*, весь дрожа и бледнея.

Трудно прочесть, вон сколькоросло плесени от сырости, – отвечает *Джсьякопо*, тоже весь дрожа. – Надо бы снять...

– Тише, тише, мессер Аллигьери, как бы не рассыпались! Если бы еще немного дольше пролежали, истлели бы совсем!

– Дайте свечу поближе, вот так...

Джсьякопо развязывает истлевшую нить красного шелка на пачке листков, осторожно снимает ножом белую плесень с почерневшего верхнего листка и читает глухим дрожащим голосом:

Giá eran li acchi miei rifissi al volto
de la mia donna, e l'anima con essi...

Вновь обратилися глаза мои к лицу
Владычицы моей, и душа моя была с Нею...

– Сколько пачек? – спрашивает *Джиардино*. *Джсьякопо* считает.

– Тринадцать.

– Значит, весь «Рай».⁹²

– Да, весь. А ведь это чудо, мессер Джиардино, святого Данте первое чудо!

– Первое, но, может быть, не последнее...

Глядя на окно, озаренное первым лучом восходящего

⁹² По «Жизни Данте» Боккаччо.

солнца, мессер *Джиардино* крестится.

– Слава Отцу, и Сыну, и Духу Святому! Аминь.